ФОМА

12+

православный журнал для сомневающихся • август 2018

НЕ СРЫВАЙТЕСЬ, ЧТОБЫ НЕ УПАСТЬ

Как справиться с собственным гневом, не вымещая его на других

ePUB

Представляем версию 184-го номера православного журнала "ФОМА" для электронных книг и программ чтения книг в формате ePUB на мобильных устройствах.

Номер издан с сокращениями.

ВНИМАНИЕ!

Полный выпуск этого номера доступен в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить его оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Легойда. Шумы и сигналы

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Дмитрий Гусев. Бог есть? А если найду?

ВОПРОС НОМЕРА: Управление гневом

Протоиерей Игорь Фомин. Не бьет — значит, любит?

Александр Ткаченко. Терпеть тебя могу

ВЕРА

Тихон Сысоев. Чего боялись святые

Патриарх Кирилл. Когда исчезает страх

Архимандрит Дамаскин (Орловский). Священномученик Александр (Архангельский)

ЛЮДИ

Священник Александр Гончаров. Три истории на грани смерти

Елена Куршук. «Аврора» верит

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Александр Ткаченко. Одежды Христа

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Шумы и сигналы

Отделять шумы от сигналов. С таким призывом Патриарх Кирилл обратился на фестивале «Вера и слово» к сотрудникам информационных подразделений епархий Русской Православной Церкви.

Это было в 2016 году. С тех пор актуальность призыва Предстоятеля только возрастает… А что такое «шумы»? По словам Патриарха, это «пустые слова, произнесенные ради тщеславия, ради того, чтобы показаться остроумным, которые не несут смысловой нагрузки. Чем меньше внимания мы обращаем на шумы, тем больше своей энергии, своего внутреннего потенциала мы сохраняем».

Иллюстрируя этот образ, Патриарх вспомнил, как в Советском Союзе слушали западные «голоса», чтобы получить альтернативную точку зрения. Для юных читателей поясню: трансляции западных радиостанций подавлялись шумовыми помехами. Поэтому слушали, пытаясь уловить сигналы сквозь шум.

Кстати, единственная точка зрения, существовавшая в советских СМИ, да и не только в СМИ, тоже была своего рода идеологическим шумом, забивавшим сигнал, забивавшим смысл. Вы скажете: сегодня это неактуально — вон сколько вокруг альтернативных точек зрения, на любой вкус и цвет. Увы, актуально и сегодня. Чем больше информации, тем больше шума. Информация сама по себе совсем не обязательно является ценностью. Ценностью является знание.

Главный вопрос: как научиться отличать одно от другого? Шум от сигнала, информацию от знания? А ничего нового и сильно сложного или неожиданного не существует. Знание — категория мировоззренческая, информация — нет. Чтобы получить информацию, нужен «Гугл». Или «Яндекс». Чтобы добыть знания, нужен ум. Чтобы попасть в «Яндекс», нужен Интернет, чтобы стать умным, нужны труд и упорство. Интернет и телефон могут оплатить родители, труд и упорство — качества ненаследуемые. И купить их нельзя. Здесь придется попотеть.

К сожалению, мы не можем полностью исключить шум из нашей жизни. Не можем оградить от шума наших детей. Не можем, даже если попытаемся изолировать их, отключив основные источники шума: телевидение, Интернет… Ведь тогда вместе с шумом пропадут и многие сигналы. И не стоит думать, что можно найти такую среду, где шума нет. Увы, нет такой среды. Но мы можем научиться сами и научить наших детей отделять шумы от сигналов.

И еще об одном предупредил тогда Патриарх. Сквозь шум возможно услышать сигнал. На шум нельзя реагировать. Категорически. Реагируя на шум, мы лишь умножаем его. Умножаем пустые слова, несмешные шутки, умножаем пошлость и глупость… Помните? Слово — серебро, молчание — золото. Может быть, еще и поэтому? Ведь в тишине лучше слышен сигнал…

Видеоверсию этой колонки смотрите
на телеканале «Царьград» (tsargrad.ru)

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Какие ошибки чаще всего допускает атеист во время спора с верующим и наоборот? Как лучше строить этот непростой диалог и о чем всегда должен помнить дискутирующий христианин? Об этом «Фома» поговорил с доктором философских наук, профессором МПГУ, РАНХиГС, Московского университета им. С. Ю. Витте Дмитрием Гусевым.

Бог есть? А если найду?

Какие ошибки чаще всего допускают атеисты и верующие во время спора

Тезис первый:

ВЕРУЮЩИЙ И АТЕИСТ — НЕ ТОЛЬКО ОППОНЕНТЫ, НО И ТОВАРИЩИ. ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ НАШЕЙ СМЕРТНОСТИ

— Дмитрий Алексеевич, что верующему человеку нужно обязательно держать в уме перед тем, как начать дискуссию с атеистом (помимо, конечно, обычного этикета и уважения)?

— Наверное, перед тем как вступать в дискуссию с атеистом, верующему прежде всего надо помнить, что и он, и его оппонент —

товарищи по несчастью. По какому несчастью? По несчастью быть человеком, то есть — иметь поврежденную природу, тяготеющую ко греху. Но разница между ними в том, что верующий знает об этой поврежденности, а атеист — нет. А ведь, как известно, знание причины болезни — это уже во многом залог избавления от нее.

Умирать же никому не хочется — ни верующему, ни атеисту, а смертность человека — это то, что в любом случае сближает того и другого; то есть мы все «товарищи по несчастью» не только быть несовершенными, но и по еще большему несчастью — нашей смертности.

Так вот, религию часто определяют как преодоление смерти. Иначе говоря, у верующего человека есть некая надежда и, если можно так выразиться, «метафизическая методология» преодоления смерти, которой он может и хочет поделиться со своим оппонентом — атеистом. И это не превосходство и «поучение», а общая печаль и в то же время — удивительная возможность всем нам не умереть.

Все мы как бы летим в самолете, но каждому из нас в какой-то момент предстоит выпрыгнуть из него. Так вот, можно прыгнуть без парашюта в полной уверенности, что наверняка разобьешься и после этого «ничего уже не будет». Это и есть атеизм. А можно прыгнуть с парашютом, правда, нет никаких твердых гарантий, что он раскроется, но все же есть существенный шанс, что не разобьешься и, приземлившись, будешь жить дальше. Об этом говорит религия.

Кстати, вероятность раскрытия парашюта во многом зависит от самого человека, от того, насколько старательно и внимательно он в течение своей жизни складывал и готовил этот парашют своего бессмертия. Хотя и это ничего не гарантирует наверняка. Но в любом случае у верующего есть шанс, которым он — не для демонстрации своего превосходства, но в силу любви — хочет поделиться со своим ближним, атеистом: «Возьми парашют, не упрямься, не прыгай так…».

Этим «предложением парашюта» можно считать и знаменитый тезис религиозного мыслителя, ученого и философа Блеза Паскаля, который говорил (и с этим согласятся и верующие, и атеисты, и материалисты, и идеалисты, и сциентисты, и антисциентисты), что ни подтвердить, ни опровергнуть бытие Бога, бессмертной души и вечной жизни невозможно, а можно только верить в существование этой сверхъестественной реальности или верить в то, что ее не существует.

А что лучше? Что выбрать? Если я верю в существование Бога, бессмертной души и вечной жизни, а на самом деле всего этого нет, то в этом случае я ничего не теряю. Если же я не верю в эту

сверхъестественную реальность, а на самом деле она есть, — я теряю все.

Тут нужно сказать, что Паскаль является одним из основателей теории вероятностей и теории игр. Он рассматривал карточную игру с математической точки зрения, анализируя вероятности событий с целью выбора оптимального размера ставки, умножая возможный выигрыш на вероятность события.

Если применить такого рода рассуждения к проблеме существования сверхъестественного мира, получается следующее. При умножении пусть даже и большой вероятности того, что Бог не существует, на небольшую ценность «выигрыша» получается величина возможно и большая, но всегда конечная. А при умножении любой не равной нулю, пусть даже очень маленькой вероятности того, что Бог существует, а душа человеческая может наследовать жизнь вечную, на бесконечно большую ценность «выигрыша» получается бесконечно большая величина. Разве не очевидно, что второй вариант лучше, так как глупо гнаться за конечными величинами, если можно приобрести бесконечное? Вопрос, в общем-то, риторический.

Кроме того, нужно помнить о том, что атеистически настроенный оппонент, скорее всего, или мало, или совсем не разбирается в том, о чем он спорит, не понимает самого предмета дискуссии. Поэтому надо постараться через что-то ему понятное постепенно вывести его на обсуждаемую проблематику — от неких очевидных «аксиом» к неочевидным «теоремам».

Вот, например, в ответ на вопрос, почему ты сделал то-то и то-то, когда вроде бы этого не хотел, он говорит: «так получилось, не знаю, ничего не мог с собой поделать». Здесь как раз можно «зацепиться»: если ты, адекватный взрослый человек, говоришь, что так получилось, и что ты ничего не мог с собой поделать, значит что-то в тебе (равно как и во мне, ведь я такой же) не так. А что не так? Давай разбираться…

Тезис второй:

ГЛАВНОЕ ОТЛИЧИЕ ЗНАНИЯ ОТ ВЕРЫ МОЖНО СФОРМУЛИРОВАТЬ ТАК: ЗНАЮТ — ПОТОМУ ЧТО; ВЕРЯТ — НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО

— А знаете, такое нередко случается и во время самих дискуссий о существовании Бога: хотели сначала что-то обсудить, поделиться знанием, а в итоге разругались и предали друг друга анафеме …

— И такой накал эмоций совсем не случаен. Ведь наша природа повреждена. Вспомним знаменитые слова апостола Павла: *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю (Рим 7:19).* Кто из нас не сталкивался с ситуацией, когда отчетливо осознаешь, что ни ругаться, ни гневаться, ни осуждать, ни обижаться не хочется, но тем не менее именно все это почему-то происходит. И после этого ты будешь утверждать, что человек полностью владеет собой и делает именно то, что хочет?

И это относится не только к спорам между верующими и атеистами, но и вообще к любым спорам. При всех своих возможностях человек все же очень далек от совершенства, поэтому дискуссия часто представляет собой не конструктивное обсуждение проблемы, не совместный поиск истины, а столкновение амбиций и заявление «суверенитетов», когда вместо аргументов и рассуждений в ход идут заявления «Ты не прав!», «Это не так!», «Я не согласен!», «Это неправильно!». И это еще достаточно мягкие «доводы», которые мы обрушиваем на своего оппонента.

Кроме того, важно понимать одну особенность: в споре верующих и атеистов речь идет именно о вере, а не о знании, ведь атеисты — это, по сути, те же верующие, только их религия — антропоцентрическая, то есть на место Бога в ней поставлен человек.

Здесь, во избежание голословности, надо сделать одно важное замечание: большинство и верующих, и атеистов признают аксиомой, что ни подтвердить, ни опровергнуть существование сверхъестественного мира невозможно. А что тогда возможно? Только

верить — либо в то, что он есть, либо в то, что его нет. Зададим атеисту вопрос: он знает, что сверхъестественного мира не существует, или он в это верит? Конечно же, верит, потому что знать это невозможно, с чем он — еще раз подчеркну! — не может не согласиться.

В чем основное отличие веры от знания? Если очень коротко, можно предложить такую формулу: «Знают — потому что; верят — несмотря ни на что». Как это понимать? Знание — это принятие чего-либо в силу обоснования и доказательства, поэтому принятие вынужденное и несвободное. Заявление: «я знаю, что сумма внутренних углов треугольника равна 180°» означает, что я не могу не согласиться с этим тезисом и вынужден признать его истинным.

Кроме того, знание объективно. Это значит, что я ничего не могу поделать с этой суммой: независимо от моего желания или нежелания она останется такой, какая она есть. Я также ничего не могу поделать с количеством планет в Солнечной системе — оно от меня не зависит. В области объективно существующего, в области знания я не могу ничего изменить.

Иное дело — вера. Она субъективна, личностна, здесь многое зависит от меня самого и моих усилий. Неслучайно знаменитое: *По вере вашей да будет вам (Мф 9:29),* первоначально родившееся именно в религиозном мире, давно вышло за его границы и ныне является определенным культурно-историческим топосом, то есть общим местом, к которому апеллирует не только религиозное, но и светское, и даже атеистическое сознание.

Таким образом, существование или несуществование сверхъестественного мира не безразлично ни верующему, ни атеисту, так как непосредственно и лично затрагивает и того, и другого. Поэтому, наверное, и кипят такие страсти в их дискуссиях.

Тезис третий:

НЕЛЬЗЯ, РАССУЖДАЯ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ МИРЕ, НАКЛАДЫВАТЬ НА НЕГО НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ ВИДИМОМ

— Однако в таких спорах атеисты часто говорят, что они вовсе не обязаны доказывать, что Бога нет. Доказывать нужно только существование, и этим должны озаботиться верующие. Сами же они, атеисты, готовы всего лишь критически рассмотреть их аргументы. Как Вы думаете, это правильный подход? Действительно ли доказывать нужно только существование чего-либо, а не отсутствие?

— Такого рода аргумент широко распространен и, на первый взгляд, выглядит достаточно убедительным. Однако в нем нарушается закон тождества *(основополагающий логический закон, согласно которому любое высказывание — мысль, понятие, суждение — на протяжении всего рассуждения должно сохранять один и тот же смысл. — Ред.)*, так как происходит незаметное отождествление материальных объектов, принадлежащих физическому миру, и объектов нематериальных, или идеальных, принадлежащих миру сверхъестественному.

Ведь речь идет именно об объектах физического мира, существование которых нуждается в доказательстве, а несуществование — не нуждается. Скажем, доказывать, что 15-й планеты Солнечной системы не существует, не требуется, но вполне можно и нужно доказывать существование таких экзотических объектов мегамира, как черные дыры. Но вот в чем, как говорится, фокус: все это справедливо для мира естественного, в котором мы физически находимся; а для мира сверхъестественного это совершенно неприменимо.

— Почему?

— Потому что у человека просто нет инструментария, чтобы доказать какое бы то ни было явление сверхъестественного мира.

Сторонники приведенного вами аргумента, возможно, даже не сознательно отождествляют принципиально нетождественное — естественную и сверхъестественную реальности. Кстати, само такое отождествление, производимое атеистами, психологически вполне понятно: если сверхъестественного мира нет, то естественный, или физический, мир является единственно существующим. Ну а поскольку отождествлять нетождественное нельзя, то вышеприведенный аргумент, при всей своей внешней убедительности и даже привлекательности, не срабатывает.

В то же время становится понятно, почему споры между верующими и атеистами столь непримиримы. Ведь и те и другие вынуждены именно доказывать свою правоту. А как мы уже говорили, и теизм, то есть вера в Бога, и атеизм — это отчетливое credo, личностный

мировоззренческий фундамент, предпосылка определенного поведения и структуры всей человеческой жизни, смыслозадающий вектор, на котором «стою и не могу иначе». Как же можно такое не доказывать?! Именно стремление обосновать истинность своего credo делает верующих и атеистов невосприимчивыми к аргументам друг друга.

Тезис четвертый:

НЕРЕДКО ДИСКУССИЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НЕУДАЧНО, ПОТОМУ ЧТО ВЕРУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК ЗАНИМАЕТ ПОЗИЦИЮ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА НАД АТЕИСТОМ

— Какие ошибки чаще всего допускают атеисты в споре с верующим?

— О наиболее принципиальной и фундаментальной их ошибке мы уже сказали: атеист, критикуя религиозные идеи и сюжеты, переносит свойства естественного мира на мир принципиально иной, сверхъестественный. Как если бы он утверждал, что поскольку у отрезка есть центр, то и у прямой тоже есть центр, — на том основании, что и отрезок, и прямая — это геометрические объекты. Здесь важно помнить, что при переходе от конечного к бесконечному все меняется и возможное становится невозможным, а невозможное — возможным.

— А верующие? Каковы их типичные ошибки?

— Верующий человек часто — во многом непроизвольно — занимает позицию определенного мировоззренческого превосходства над своим оппонентом, который «не знает», «заблуждается», «не понимает» и которого можно «научить», «вразумить», «воспитать» и «отформатировать», рассказав ему, как все устроено «на самом деле». Что же делать? Прежде всего — помнить, что убежденный атеист как раз не нуждается ни в «научении», ни в «форматировании», так как он исходит из того, что «заблуждается» его оппонент, которого и надо «образумить» и «поставить» на «правильные мировоззренческие рельсы». Поэтому верующему надо не бросаться с головой в дискуссию, а, памятуя о принципе «семь раз отмерь…», очень аккуратно подойти к предмету спора, предварительно составив себе «портрет» своего оппонента: о чем с ним можно и нужно говорить, а о чем не стоит, на что обратить наиболее пристальное внимание, как

расставить акценты, какие привести аргументы и примеры и тому подобное.

Вспомним удивительные и глубокие слова апостола Павла: *Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести (1 Кор 9:19), Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор 9:22).*

— А есть ли ситуации, когда нужно сразу отказаться от диалога, чтобы не тратить силы, время и нервы попусту? И как их вовремя распознать?

— Приемы, которые используются в споре, обычно разделяют на лояльные (корректные, допустимые) и нелояльные (некорректные, недопустимые). Когда участники дискуссии ставят своей целью установление истины или достижение согласия, они используют только лояльные приемы. Если же кто-то прибегает к нелояльным, это означает, что его интересует только победа в споре, причем любой ценой. Люди, пользующиеся ими, не умеют слушать и слышать, ведут себя агрессивно, для них оппоненты не просто заведомо неправы, но являются людьми «второго сорта».

В основе такого поведения — определенное устройство личности (вернее, ее духовная поврежденность), а также то, что человек находится в плену ложных представлений: ему кажется, что он все знает, во всем разбирается, что для него все просто и ясно. Здесь может помочь знаменитый метод Сократа: не спорьте с таким человеком, но задайте ему несколько «наводящих» вопросов — так, чтобы через несколько ответов он сам осознал, хотя бы отчасти, что понимает далеко не все и не является совершенным.

Тезис пятый:

НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ ЯВЛЯЮТСЯ ВСЕГО ЛИШЬ РАЗЛИЧНЫМИ МОДЕЛЯМИ МИРА, КОТОРЫЕ ВОВСЕ НЕ ГОВОРЯТ НАМ О ТОМ, КАК ВСЕ УСТРОЕНО «НА САМОМ ДЕЛЕ»

— Чего ни в коем случае нельзя допускать во время полемики — ни верующему, ни атеисту?

— Не следует допускать использование нелояльных приемов спора. При этом желательно знать, что они собой представляют. Это помогает разоблачать их применение в той или иной дискуссии. Иногда их употребляют непроизвольно, бессознательно, нередко — в запальчивости. В таких случаях указание на использование нелояльного приема является дополнительным аргументом, свидетельствующим о слабости позиции оппонента.

Нелояльные приемы спора представляют собой нарушения правил доказательства. К примеру, в качестве аргументов могут использоваться ложные, гипотетические или противоречащие друг другу суждения; истинность аргументов может зависеть от истинности тезиса, а подтверждение или опровержение тезиса выводиться из аргументов, недостаточных для этого.

Например, материалисты и атеисты нередко пытаются разыграть синергетику *(синергетика — научное направление, которое изучает закономерности и принципы, лежащие в основе процессов самоорганизации в системах разной природы. — Ред.)* как «козырную карту» антикреационизма: если материя способна не только к деградации, но и к самоорганизации, саморазвитию, если в материальных системах наблюдается спонтанный переход от более низких форм организации к более высоким или самопроизвольное рождение порядка из хаоса, то из этого будто бы следует идейная победа эволюционизма над креационизмом.

Но следует ли? Или нам очень хотелось бы, чтобы следовала? Вот пример того, как антикреационистский тезис выводится из недостаточных для этого аргументов: нарушается четвертый из основных законов логики — закон достаточного основания *(логический принцип, согласно которому всякое суждение может считаться достоверным только в том случае, если оно было доказано. — Ред.).*

Откуда у материи способность к самоорганизации? Можно ответить: она внутренне присуща ей. Но это логическая ошибка — предвосхищение основания, когда в качестве истинных используются суждения, истинность которых еще предстоит установить.

Во избежание недоразумений и справедливости ради, отметим, что своего рода противоположностью синергетического и эволюционного видения мира, является телеологический аргумент, согласно которому «картина без художника сама собой не нарисуется» — то есть из бесконечной целесообразности, гармоничности и безупречности мироздания выводится тезис о его сотворенности. Хотя и здесь можно указать на ту же самую логическую ошибку предвосхищения основания, а также ошибку мнимого следования.

Атеисты, как правило, апеллируют к науке и пытаются жонглировать термином «доказательство», например: «наука доказала, что Вселенная произошла в результате Большого взрыва примерно 14 млрд лет назад»; «наукой доказано, что многообразие видов живой природы — это результат эволюции»; «наука доказала, что безупречная целесообразность и восхитительная гармония мира — это результат синергетических процессов». А понятие «доказать» они софистически отождествляют с понятием «найти истину».

Между тем доказать — это значит всего лишь показать или продемонстрировать, что некий тезис А следует из некого тезиса В, и не более того. Причем эта демонстрация может не иметь к истине никакого отношения.

Что же тогда представляют собой научные теории? Да всего лишь различные альтернативные модели мира, природы, человека и общества, которые вовсе не говорят нам о том, как все устроено «на самом деле».

Тезис шестой:

ЛЮДИ ЧАСТО ПУТАЮТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАКОЙ-ТО МЫСЛИ В СПОРЕ И СВОЕ ЖЕЛАНИЕ СЧИТАТЬ ЭТУ МЫСЛЬ ИСТИННОЙ

— Вы сказали, что в дискуссии нельзя пользоваться нелояльными приемами. Не могли бы Вы еще раз пояснить, как их распознать?

— Чаще всего использование таких приемов связано с подменой тезиса: вместо того чтобы доказывать одно положение, доказывают другое. Вообще, когда что-то невозможно твердо доказать, часто вместо того, чтобы честно это признать, нарушают закон тождества и создают видимость доказательства, отождествляя обоснование тезиса и наше желание, чтобы он был истинным.

И здесь опять мы выходим на соотношение знания и веры — когда наш ум подходит к принципиальным границам знания, он перешагивает через них и вступает в область веры, но при этом самообольщается, будто бы по-прежнему остается в границах знания.

Можно привести пример одного фундаментального противоречия атеизма: смерть человека утверждается как абсолютный конец, полное ничто, небытие — именно к такому концу приходит человеческое бытие. Получается, бытие человека есть, и небытие тоже есть, что является противоречием, или нарушением законов логики. Вот очень хорошая иллюстрация этого из «Фауста» И. В. Гёте:

«Конец? Нелепое словцо!
Чему конец? Что, собственно, случилось?
Раз нечто и ничто отождествилось,
То было ль вправду что-то налицо?»

Иными словами, если бытие заканчивается небытием, то можно ли говорить, что это подлинное бытие? То, что в религии называют душой, в светском сознании обычно называют личностью, а в философии это часто обозначается как экзистенция. По большому

счету это одно и то же, что мое «я» как таковое. Так вот, если личность совершенно несомненно существует, как же она может в итоге не существовать? Ведь то, что есть, оно есть всегда; а то, чего нет, его нет никогда. Стало быть, говорить надо не о небытии, а только о смене форм бытия. О чем и идет речь в религиозном понимании человеческого бытия. В атеизме же принципиально утверждается не смена форм бытия, а полный и безвозвратный конец, именно небытие личности после смерти.

Удивительно, но даже атеистическое сознание, вроде бы «официально» утверждая такое небытие, непроизвольно восстает против него. Помните пронзительные слова из известной советской песни:

«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
……
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле...»

Вот и поспорь после этого с тем, что душа человеческая по природе своей — христианка. В философии это назвали бы «личностным неявным знанием», которое, кстати, проявляется, у атеистов, например, в том, что они, приходя на могилы умерших родственников, разговаривают с ними, рассказывают о своей жизни, о своих радостях и печалях, делятся переживаниями и спрашивают совета.

— А какие есть еще нелояльные приемы спора?

— Нередко человек стремится тезис противника сформулировать как можно более широко, а свой — максимально сузить, так как более общее положение труднее доказать. Иногда один из спорящих

начинает задавать другому оппоненту множество вопросов, часто даже не относящихся к делу, только чтобы отвлечь его внимание и утопить спор в пространных рассуждениях.

Довольно часто подмена тезиса проявляется в использовании синонимов с различной смысловой окраской. Они могут иметь положительный или отрицательный, хвалебный или уничижительный оттенок. Так, употребление слова «военщина» вместо «военные» или «мальчишки» вместо «молодые люди» представляют собой неявную подмену смыслов. Разновидностью этого приема является «навешивание ярлыков» на противника и его позицию.

Тезис седьмой:

ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ ДИСКУССИЮ, ПОСТАРАЙТЕСЬ НАЙТИ НЕ ТО, ЧТО ВАС РАЗЪЕДИНЯЕТ С ОППОНЕНТОМ, А ТО, В ЧЕМ ВЫ СОГЛАСНЫ

— Каких же правил нужно придерживаться, чтобы диалог оказался плодотворным? Чтобы избежать как пустых деклараций, так и вежливых поддакиваний?

— Это, по сути, соблюдение необходимых и достаточных условий дискуссии. Если они не выполняются, то в споре нет смысла. Что это за условия?

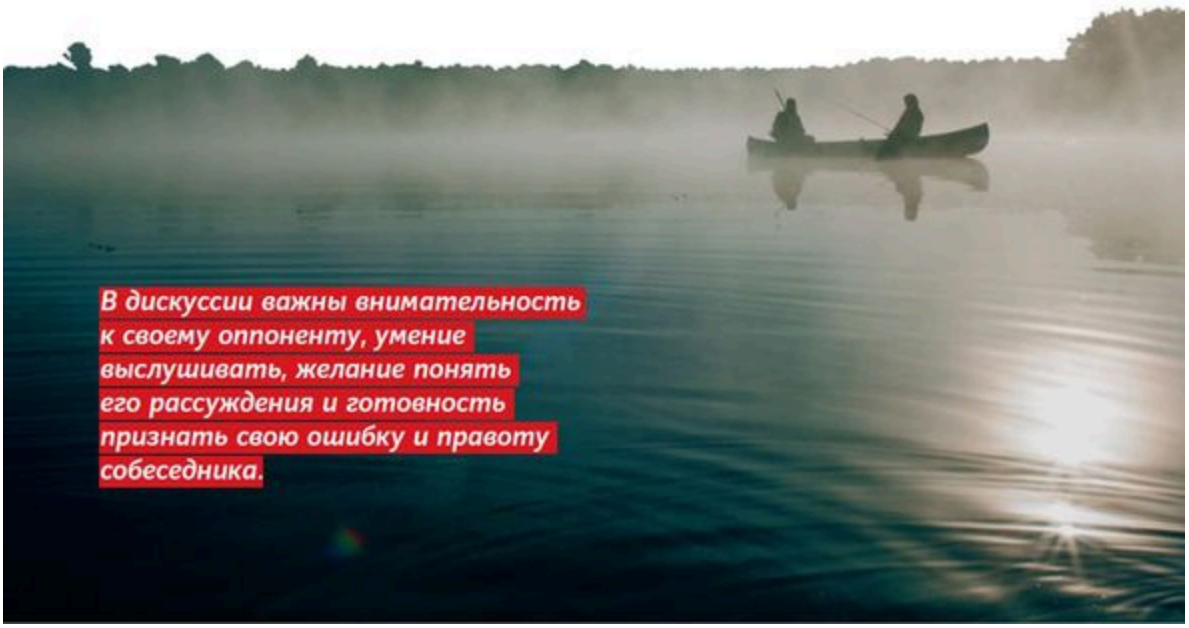
Во-первых, необходимо наличие некоего предмета спора — проблемы, вопроса, темы, иначе дискуссия неизбежно превратится в бессодержательное и пустое словесное препирательство.

Во-вторых, надо, чтобы относительно предмета спора стороны действительно придерживались противоположных убеждений. В противном случае дискуссия обернется обсуждением слов: оппоненты будут говорить об одном и том же, но использовать при этом разные термины, тем самым непроизвольно создавая видимость расхождения во взглядах.

В-третьих, важно, чтобы была общая основа спора — какие-то принципы, убеждения, идеи, которые признаются обеими сторонами. Если такой основы нет, то есть спорящие не сходятся вообще ни в одном положении, то дискуссия становится невозможной.

В-четвертых, требуется наличие знания о предмете спора. Если же стороны не имеют о нем ни малейшего представления, то дискуссия будет лишена всякого смысла.

В-пятых, спор не приведет ни к какому позитивному результату, если отсутствуют определенные психологические условия: внимательность к своему оппоненту, умение выслушивать, желание понять его рассуждения и готовность признать свою ошибку и правоту собеседника.

— Случалось ли во время дискуссии с атеистом, что он открывал для Вас что-то новое и важное?

— Честно говоря, я сам не так давно был если не атеистом, то скептиком, или, как еще говорят, агностиком. А кто такой скептик? Является ли он верующим? Не является. Значит, он если и не атеист, то достаточно близок к нему. Поэтому Ваш вопрос затрагивает не только мое общение с атеистами, но, получается, и общение со мной «прошлым».

Так вот, одно из наблюдений или открытий, которое я недавно сделал в общении не только с атеистами, но и с верующими, состоит в том, что на гордое заявление атеиста: «Я не верю в Бога» верующий человек, оказывается, вполне может ответить: «Я тоже не верю в Бога». Конечно, у атеиста это может вызвать недоумение. И тогда можно добавить: «Я тоже не верю в того Бога, в которого ты не веришь».

О чем тут речь? О том, что атеист, говоря о своем неверии, подразумевает под Богом совсем не ту реальность, что верующий, и,

«критикуя» Бога, он критикует не Его, а свои представления о Нем и «борется» с ними, а не с Богом. То есть, как это ни удивительно, — с самим собой.

Беседовал Тихон Сысоев

ВОПРОС НОМЕРА

Управление гневом

как по-христиански справляться со своими эмоциями

Письмо в редакцию

на e-mail: vopros@foma.ru

Здравствуйте.

Я подписан на официальную страничку Патриарха Кирилла «ВКонтакте». В одном из постов приводятся такие слова Патриарха: *«Многие управляют эмоциями именно силой воли. Человек вступает в конфликт, чувствуя, что его провоцируют на неадекватную реакцию, и уже очень хотел бы ответить обидчику как следует, но силой воли сдерживается, терпит, понимая, что эта реакция будет истолкована неправильно или послужит ему во вред. Такого рода терпение, которое поддерживается силой воли, не имеет никакого отношения к христианской добродетели терпения. Это разные явления. Нельзя сказать, что терпение, порождаемое силой воли, плохо — очень даже хорошо! Но в данном случае речь идет не о воспитании воли, а о добродетели, без которой нет надежды на спасение. Совершенно очевидно, что такой добродетелью не может быть волевое усилие в ответ на некий вызов, обращаемый к человеку, — это было бы слишком плоско, слишком примитивно.*

Что же тогда терпение? Стиснутые зубы и скулы? Сжатые кулаки? Напряженные мышцы? Вовсе нет! Терпение — это состояние духа, и это состояние никак не связано с волевыми усилиями в ответ на зло, о которых мы только что сказали. Человек терпелив, если в его сердце мир, радость, свет»

(Из слова после литургии в московском храме Архангела Михаила при клиниках на Девичьем поле, 24 февраля 2018 года).

Я не совсем понял, как тогда реагировать на обидчиков или на провоцирующие ситуации. Что бы я ни делал, но подобные ситуации

все равно во мне вызывают изначальное раздражение в связи с несправедливостью и по иным причинам.

Кроме силы воли и понимания, что нельзя давать волю злому отношению, я не знаю, как еще можно подавить или остановить негодование и желание ответить. Я часто сдерживаюсь именно силой воли.

Если не ей, то как конкретно?

С уважением, Денис

Не бьет — значит, любит?

Почему верующему недостаточно просто не отвечать злом на зло

Отвечает протоиерей Игорь Фомин, настоятель храма святого благоверного князя Александра Невского при МГИМО

— Отец Игорь, я думаю, не только автор письма часто сдерживается исключительно силой воли, но и многие люди, которые считают себя христианами и стремятся научиться терпению. Получается, они идут не тем путем?

— Терпение — это, безусловно, великая добродетель. И мы знаем, сколько внимания уделял ей в Своих проповедях Сам Спаситель: *терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21:19)* и Его ученики: *... утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны (Рим 12:12)*. И, как любая совершенная добродетель, терпение не приходит к человеку сразу: *...прилагая к этому все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в*

братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа (2 Петр 1:6). Терпение в человеке воспитывается. И даруется лишь тогда, когда он прилагает усилие.

Попытку управлять своими эмоциями сжатыми кулаками и стиснутыми зубами Святейший Патриарх не считает высшей добродетелью. Разумеется, ничего общего с настоящим терпением здесь нет, потому что сдерживаться силой воли можно не только из добрых побуждений, но и из трусости, подхалимства, подлости и так далее.

Самый простой пример: я не отреагировал на какие-то замечания своего начальника, но на точно такие же замечания своих домашних я взорвался. В случае с начальником это было самое настоящее подхалимство, это терпение, направленное на себя, на свой комфорт.

Но автор письма говорит немножко о другом. Когда задумываешься о своем духовном мире, когда понимаешь, что хочешь жить иначе, хочешь любить, уважать, прислушиваться, а не раздражаться на близких, не отвечать обидчикам на каждую реплику — разумеется,

надо с чего-то начинать, надо встать на первую ступеньку. И попытка сдержать свои эмоции силой воли как раз и есть первая ступенька на пути к добродетели терпения. Эта стадия, скажем так, психологическая, не духовная. Это пока только научение: не продукт, не результат действия, а только дорога к действию. Но не пройдя этой стадии, мы не поймем, как двигаться дальше.

Так что молодой человек, который стискивает зубы, — на правильном пути. При этом надо иногда задать себе вопрос: а долго ли ты будешь держать себя в ежовых рукавицах, чтобы не взорваться? Если кастрюля плотно закрыта крышкой и неоткуда выйти пару, то ее просто разорвет от того давления, которое нарастает внутри. Точно так же и человек: он терпит, терпит, терпит, а потом взрывается.

Итог такой: да, безусловно, если ты хочешь быть похожим на христианина, нужно стискивать зубы. Хочу подчеркнуть здесь слово «похожим». Но, научившись не отвечать на зло, надо научиться еще и бороться с этим злом — не внешне, а внутри себя. И это уже другая ступень нашего пути к добродетели.

— А в чем принципиальная разница между терпением со стиснутыми зубами и терпением как христианской добродетелью?

— Принципиальная разница в том, что терпение как добродетель оправдывает другого человека в его поступках. Любящий человек всегда находит оправдание. И такое терпение видит в любых произошедших ситуациях пользу для ближнего, а не для себя.

Допустим, свекровь терпеливо относится к своей неумехе-невестке. Ни в лицо, ни за ее спиной не говорит о ней ничего плохого, наоборот, покрывает девушку своей любовью, оправдывает: «Ничего, ничего, она еще всему научится. И готовить, и рубашки гладить, и квартиру в порядке держать». Это и есть терпение другого человека с его привычками, характером, неопытностью. И такое отношение к людям обязательно принесет добрые плоды.

Когда человек терпит по-христиански, он не стискивает зубы, а понимает, что в любой неприятной ситуации — провоцируют ли его, подставляют ли, или клевещут — он получает по заслугам и через этот

случай его научает любящий его Господь. И тогда человек со смирением, с радостью и благодарностью принимает эти обстоятельства.

Мне кажется, Святейший Патриарх имел в виду именно такое состояние души. И совершенно точно отметил, что, если бы Господь под терпением имел в виду сжатые кулаки, это было бы слишком плоско и примитивно.

Совсем не этого ждет от нас Бог. Он не жертвы хочет, а милосердия — то есть милого сердца, которое любит и оправдывает абсолютно всех. Ведь не терпеть обидчиков призывает Господь в Евангелии. *Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас (Лк 6:27–28)*, — говорит Христос.

Добродетель терпения никак не связана со сдержанной в себе агрессией, злобой, ненавистью. Она — про любовь. Совершенное терпение не оставляет после себя шрамов, обид, непонимания происходящего. И оно возвеличивает униженного человека, возводит его на новую ступеньку духовной жизни.

— Давайте с самого начала. Человек пытается быть христианином и понимает: да, я раздражительный, я готов возмущаться на каждое обидное для меня слово, сказанное родными, близкими; я гневливый — но я хочу исправиться. Как это сделать? Какие есть ступеньки на пути к тому, чтобы научиться терпеть по-настоящему?

— Наверное, у каждого количество этих ступенек будет разным, и для меня, как духовника, как пастыря, важно понять причины этих негативных эмоций в человеке. Поэтому дать один совет на всех я не смогу и поделиться могу лишь собственным опытом.

В какой-то момент я поймал себя на том, что, каким бы я добрым и прекрасным ни казался со стороны, внутри себя и по отношению к самым близким я раздражителен, я обидчив, я гневлив и совсем не имею терпения.

Тогда я понял: вода кипит в чайнике до той поры, пока не выключишь огонь. И если ты ничего не сделаешь с огнем, то чайник просто сгорит. Точно так же и с гневом: он кипит внутри меня до той поры, пока я не возьмусь за причину этого кипения. А иначе моя эмоциональная несдержанность может привести меня к полному упадку, к духовной смерти. Когда я это осознал, я ужаснулся. И тогда я начал пытаться решить эту проблему.

Как? Самое лучшее лекарство от гнева — это, конечно, молитва. Я начал пытаться горячо молиться Богу о том, чтобы Он помог мне справиться с тем негативом, который сидит внутри меня и время от времени выплескивается на близких. Я исповедовал эти грехи и в то же время пытался как раз-таки терпеть, стиснув зубы и сжав кулаки, — о чем говорил автор нашего письма.

Надо сказать, что никакого счастья и удовлетворения мне такое терпение не принесло. Но зато я хотя бы в малой степени понял, что моя попытка терпеть приносит мир в мои отношения с близкими и в мою собственную жизнь. Постепенно пришло понимание, что стискиваешь зубы ты не ради какой-то своей выгоды, а именно ради своего духовного состояния. И от этого мне стало очень легко на душе! Я помню, как у меня появилась потребность искать, что говорят о терпении Евангелие и святые отцы Церкви.

Потихонечку начал коряво, как могу, применять это в своей жизни. И вот на этом этапе понял, что уже не хочу останавливаться, а хочу идти и идти с жаждой научиться добродетели терпения и зафиксировать ее в своем сердце.

КОГДА УГАСАЕТ ЛЮБОВЬ, ЛЮДИ ИЩУТ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Святитель Николай Сербский

Конечно, на этом пути неизбежно случаются падения. Главное — вставать, каяться и идти дальше, пытаясь исправиться.

И, наверное, особые чувства испытываешь, когда в твоей жизни воплощается евангельская притча о блудном сыне. Когда Господь как бы попускает тебе, как блудному сыну, уйти «в страну далече», проявить свой гнев — и обнажить свою настоящую сущность, увидеть, что ты без Бога ничто. И тогда ты плачешь о своих согрешениях, каешься и всей душой стараешься измениться, вернуться к Отцу.

Иногда думаешь: только ли святые могут обладать настоящим христианским терпением или есть и в нашей земной жизни такие люди? И понимаешь, что, наверное, по-настоящему терпеливый — это тот человек, который всегда радостен. Он такой не потому, что у него нет проблем: возможно, у него их гораздо больше, чем у нас. А потому, что он умеет с ними жить. А это и есть терпение.

— То есть, на Ваш взгляд, со своим гневом возможно разобраться в одиночку?

— Конечно, возможно. И мы знаем, что иногда Господь дает нам просимое просто так, без всяких «если». Но иногда нужно и потрудиться. И если ты задаешься этой целью, начнешь искать, что говорят о гневе святые отцы, Священное Писание, то со временем у тебя выстроится четкая картина того греха, на который ты обратил внимание. Это и есть самостоятельное изучение проблемы. Оно всегда дольше, чем изучение, скажем, с опытным преподавателем. Поэтому духовничество, которое имеет многовековую историю, свидетельствует о том, что опыт, конечно, лучше перенимать от тех, кто сам прошел те или иные искушения и испытания. С духовником этот путь проходить легче.

И конечно, для христиан попытка справиться с недугом невозможна без Церкви: без молитвы, без исповеди, без Причастия. А для кого-то не лишней будет и помощь профессионального психолога. Но при этом важно, чтобы психолог был близкий по духу, по возможности — церковный человек. Тогда то, что вы будете обсуждать, не будет расходиться с тем, что вы услышите от духовного отца или прочтете в Писании. В психологии есть много направлений и школ, и некоторые мировоззренчески очень далеки от христианства. И поэтому очень важно найти такого психолога, общение с которым не пойдет во вред.

— А есть какая-то наиболее яркая фраза, связанная с терпением, из Священного Писания, из святых отцов, к которой Вы сами постоянно мысленно обращаетесь?

— Конечно. *Претерпевший же до конца спасется (Мф 10:22).* Спасение мы мыслим не как избавление от греха, а как нахождение со Христом. И для того чтобы быть действительно блаженным, радостным, счастливым — то есть быть со Христом — вполне можно многое потерпеть.

Беседовала Дарья Баринова

Терпеть тебя могу

Как с помощью гнева мы прячемся от боли и почему это не помогает

На вопрос читателя отвечает психолог Александр Ткаченко

В наших отношениях с собственным гневом есть две опасные крайности. Первая — стремление все время подавлять в себе уже возникшую агрессию. Вторая — проявлять эту агрессию по любому поводу, как только в душе возникнет хотя бы легкое раздражение.

Оба этих подхода, несмотря на формальную противоположность, ведут к одному и тому же результату: практикующий их человек ежедневно и подолгу находится в состоянии гнева. Правда, в одном случае он выражен в поведении, в другом — скрыт от посторонних глаз. Но, увы, хрен если и слаще редьки, то совсем ненамного. Второй вариант в духовном и в психологическом смысле мало чем отличается в лучшую сторону от первого.

Со вспыльчивым человеком все более-менее понятно: разозлился из-за пустяка, резко ответил, повысил голос, наговорил неприятных вещей,

обидел собеседника. При таком поведении нарушаются социальные связи, отношения портятся, круг общения резко сужается вплоть до полного одиночества.

Но и постоянно подавляемый гнев тоже может причинить немало бед как самому человеку, так и окружающим его людям. Дело в том, что возникший в душе гнев — очень сильная эмоция. На ее подавление психика тратит много сил. И если вспыхивающий гнев все время подавлять, то в какой-то момент эти силы обязательно закончатся, ведь они не бесконечны. Плюс к этому у подавленного гнева есть коварное свойство — он имеет способность накапливаться, суммируя раздражение от всех случаев, когда ему не дали выход наружу. Рано или поздно этот скопившийся гнев становится сильнее подавляющих его психических механизмов. Это можно сравнить с разрушением плотины, не выдержавшей напора резко поднявшейся в половодье воды. В результате сдержанный, воспитанный, законопослушный гражданин вдруг ни с того ни с сего может обрушить свою ярость на неуклюжего попутчика в общественном транспорте, на нерасторопного кассира в магазине, на громко разговаривающих подростков.

Вспыльчивый человек постоянно скандалит, давая выход своему гневу.

Человек с подавленным гневом подобен бомбе с механизмом замедления, поставленным на неопределенный срок.

Впрочем, даже если этот подавленный гнев и не вырвался на свободу, ситуация все равно остаётся угрожающей. Заряд раздражения продолжает накапливаться, и бомба рано или поздно взорвется. Только в этом случае энергия «взрыва» пойдет уже не во внешнее пространство, а внутрь самого человека, ударив по его физическому здоровью.

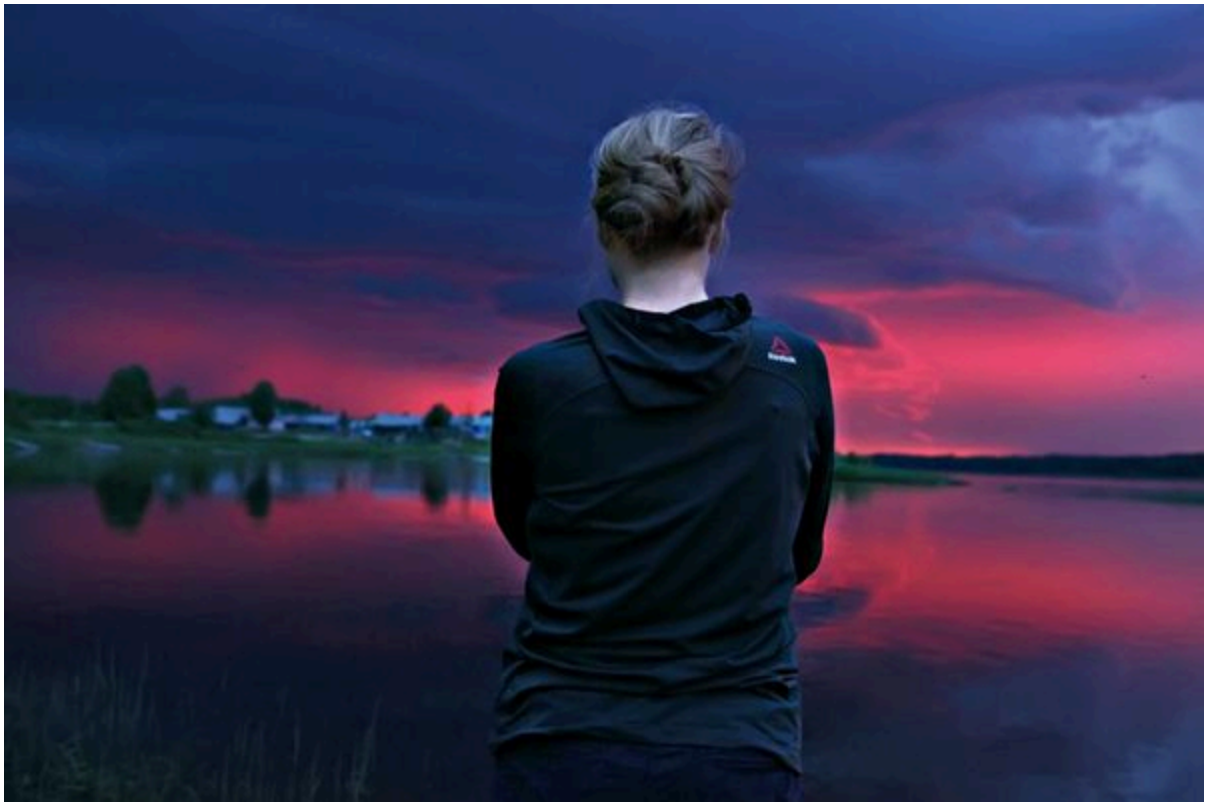
> **Еще один весьма распространенный и совершенно неэффективный способ отношений с собственным гневом — перенаправление его на другой объект.**

Тут можно рассмотреть целый набор различных вариантов.

Прежде всего это всем знакомое срывание злости на ближних. Например, когда гнев вызвало поведение грубияна-начальника, а достойно ответить на его хамство не хватило духу. В итоге этот придержанный на время гнев выплескивается, например, дома на ни в чем не повинных родственников или же на собственных подчиненных, если таковые имеются. Давать нравственную оценку такому способу «борьбы с гневом», наверное, нет нужды. Отводить возмущенную душу на любящих или зависимых от тебя людях, заведомо зная, что тебе все простят, дело некрасивое, но отнюдь не редкое, увы.

Однако есть и другие схемы разворота гнева, куда более неожиданные. Бывает и так, что гнев перенаправляется человеком с обидчика на… себя самого. Это тоже известное каждому состояние, в котором начинаешь внутренне ругать себя последними словами за нерешительность, слабоволие, глупость, трусость, неловкость и прочие «достойные» такой ругани качества. К слову говоря, похожему варианту гневливости более других бывают подвержены некоторые верующие люди, строго запрещающие себе злиться на других, но способные при этом испытывать сильную злость к себе и потихоньку привыкающие винить, укорять и оскорблять себя за реальные или вымышленные грехи.

К сожалению, даже у весьма щепетильных в вопросах нравственности людей не всегда получается увидеть принципиальное различие между способностью брать на себя ответственность за свои ошибки и болезненным желанием вот так «благочестиво» погневаться, ругая себя в душе на чем свет стоит. С точки зрения психологии такое отношение к себе весьма разрушительно и здоровья никак не прибавляет. А в духовном смысле перенаправленная на себя гневливость ничем не отличается от гнева на ближнего.

НЕ БУДЬ ДУХОМ ТВОИМ ПОСПЕШЕН НА ГНЕВ, ПОТОМУ ЧТО ГНЕВ ГНЕЗДИТСЯ В СЕРДЦЕ ГЛУПЫХ.

Царь Соломон (Еккл 7:9)

Человеку от сотворения свойственно не гневаться на себя, а любить себя, это нормальное наше отношение к полученному Божьему дару — к своей душе, телу, к своим способностям и талантам. Святой пророк и царь псалмопевец Давид в восторге от созерцания собственной человеческой природы возносит хвалу Господу: *Славлю Тебя, потому что я дивно устроен (Пс 138:14).* А вот грех, который разрушает и убивает в нас этот дар, действительно следует ненавидеть. Именно на него следует гневаться, как это делали святые отцы и Сам Христос. Но при этом все равно продолжать любить себя, невзирая на все свои греховные немощи. Согласно заповеди, к ближнему нужно относиться как к самому себе, а значит, и себя тоже нужно любить, понуждать себя к этой любви, даже если видишь в себе некие греховные слабости и несовершенства. О таком понуждении и о недопустимости гнева на себя говорил преподобный Серафим Саровский: «Должно снисходить

душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других, но не обленяться, а побуждать себя к лучшему. Употребил ли пищи много, или что другое подобное, сродное слабости человеческой, сделал — не возмущайся этим и не прилагай ко вреду вред, но мужественно подвигни себя к исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный».

Вымещение гнева на замещающих объектах не снижает, а увеличивает вероятность агрессии по отношению к людям.

В фокусе перенаправленного гнева могут также оказаться животные. Наорать на кота или пнуть собаку, не ко времени подвернувшуюся под ноги,— это обычно тоже агрессия, которая изначально предназначалась отнюдь не домашним любимцам, а кому-то еще.

Но самый странный случай подобного рода — смещение гнева на неодушевленные объекты. Так, преподобный Кассиан Иоанн Римлянин, христианский подвижник, живший еще в IV веке, писал о себе: *«Припоминаю, как, живя в пустыни, рассерживался я иногда на писчую трость, если не нравилась толстота или тонкость ее,— иногда на ножичек, если, когда режешь им, он, затупившись, не скоро резал,— иногда на кремень, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтенью; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь».* Современная жизнь также постоянно дает убедительные подтверждения тому, что стрелки гнева автоматически могут быть переведены с людей на неживые предметы. Футбольные болельщики в ярости крушат сиденья на стадионе. Рассерженный неприятным телефонным разговором мужчина с размаху швыряет об асфальт свой мобильник. В разгар семейного скандала женщина начинает бить посуду на кухне. Казалось бы, в известном смысле это даже полезно: ведь иначе разбитыми оказались бы уже не тарелки и телефоны, а чужие головы. Но, увы, практика показывает, что перенаправление гнева на замещающие объекты не снижает, а напротив — увеличивает вероятность агрессивного поведения в отношении людей.

Несколько десятилетий назад в Японии стали активно вводить в корпоративный обиход методы, позволяющие сбрасывать накопившуюся агрессию. В офисных зданиях устанавливали манекены, на которые можно было наклеить распечатанный на принтере портрет начальника и отдубасить такой получившийся муляж, не рискуя вылететь с работы. В магазинах стали продавать специальные блокнотики, единственное назначение которых было в том, чтобы рвать в клочья их листы, когда гнев подступает к горлу. Появились даже целые «терапевтические» комнаты с мебелью, которую за умеренную плату можно было разнести кувалдой вдребезги. Результат не заставил себя ждать. После введения этих мер резко вниз пошла статистика сердечно-сосудистых заболеваний у офисных работников. Казалось бы, идеальное средство для борьбы с гневом найдено. По всему миру психологи стали рекомендовать клиентам в качестве способа отреагирования эмоции гнева попинать кулаками подушку от дивана. Но вдруг после серьезных исследований выяснилось, что после избиения замещающих объектов уровень агрессии у разгневанного человека не уменьшается, а наоборот, становится еще более высоким. Кроме того, к чувству гнева после таких упражнений прибавляется еще и моторный навык — выражать его в ударе по «обидчику». После ряда печальных случаев, когда человек сбрасывал агрессию ударами по подушке, а потом шел, и точно так же бил ненавистного ему человека, эту практику в профессиональном сообществе психологов признали опасной и отказались от нее.

НИКОГДА НЕ ТЕРЯЙ ТЕРПЕНИЯ — ЭТО ПОСЛЕДНИЙ КЛЮЧ, ОТКРЫВАЮЩИЙ ВСЕ ДВЕРИ.

Антуан де Сент-Экзюпери

Так что же происходило с гневом во время подобных упражнений? Образно выражаясь, человек давал распрямиться сжатой внутри него пружине, разряжал ту самую «бомбу с механизмом замедления» и благодаря этому избегал психосоматических последствий подавленного гнева. Это давало реальный оздоровительный эффект, зафиксированный медицинской статистикой. Выпуск гнева наружу через агрессивные формы поведения действительно снимал внутренний конфликт в психике между гневом и сдерживающими его усилиями. Но оказалось также, что общий уровень гневливости человека при этом не снижается, а напротив — лишь подпитывается, увеличивая вероятность агрессивного поведения в будущем. Гнев, постоянно направляемый на замещающий объект, словно пламя костра, в который бросают все новые охапки хвороста, может перекинуться потом и на людей.

Так современная психология путем проб и ошибок пришла к правилу, которое сформулировал святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Не сердись на бездушные вещи и не ругай их, когда они не так, как нужно, складываются и бывают тебе помехой в деле. Привыкнешь сердиться на вещи — будешь сердиться и на людей, даже без причины, и от любви отпадешь, а любовь — сущность всего Закона Божия».

На вопрос «как же бороться с гневом правильно?» христианская аскетика и современная психология дают один и тот же парадоксальный ответ: чтобы победить свой гнев, нужно научиться переживать свою боль.

Казалось бы, что общего между гневом и болью? Однако связь между ними есть, причем самая непосредственная. Дело в том, что гнев — это не осознанное чувство, а всего лишь эмоциональная реакция на угрозу нашей безопасности. Первоначально гнев был вложен Богом в естество человека как средство защиты от дьявола и от греховных мыслей. Именно против них человек был призван употребить этот духовный меч — гнев. Других врагов у человека до грехопадения не было. Но вместо гнева предложение сатаны попробовать запретный плод вызвало у первых людей интерес и сочувствие. Дальнейшие события известны всем, кто читал Библию. Гнев как духовное оружие остался при человеке и после его отпадения от Бога. Но теперь люди вовсю используют этот меч уже друг против друга, выхватывая его как только им покажется, что их безопасности кто-то угрожает. А сигнализирует о такой угрозе как раз душевная боль от чужих действий, слов или даже одних наших предположений о чужих недружелюбных намерениях. И не важно, подлинная это угроза или мнимая. В любом случае эмоциональная боль от нее кажется человеку настолько непереносимой, что он стремится как можно быстрее отсечь ее от себя. И тогда в воздухе сверкает меч гнева.

ЛЮБОВЬ ТАК ТЕСНО СВЯЗАНА С БОЛЬЮ, ЧТО БЕЗ ТЕРПЕТЬ БОЛЬ И СТРАХ БОЛИ ОНА СОВСЕМ НЕВОЗМОЖНА.

Григорий Померанц

К слову говоря, в случае с физической болью часто происходит нечто подобное. Например, ставшая уже хрестоматийной ситуация, когда человек забивая гвоздь, случайно бьет себе молотком по пальцу. Что он при этом чувствует? Правильно. Сначала — боль, потом — сильную злость. Ну а уж какие слова он в этом состоянии может говорить, лучше не цитировать. Однако конечный результат известен всем, кто хоть раз вместо шляпки гвоздя попадал себе по ногтю: попрыгал на одной ноге, поругался, порычал, поскалил зубы — и вроде как уже полегче стало.

С точки зрения психологии гнев — один из способов прерывания эмоциональной боли. У нее может быть тысяча различных причин, но суть ее взаимосвязи с гневом от этого никак не меняется.

Путь к победе над гневом начинается с умения останавливать его на стадии зарождения.

Гнев может вспыхнуть очень быстро, но, если попытаться изложить его развитие по этапам, получится следующая картина:

1) нечто воспринимается нами как угроза,
2) угроза вызывает эмоциональную боль,
3) возникает страх, что эта боль окажется непереносимой,
4) из страха, что эта боль нас разрушит, мы прерываем ее гневом.

И лишь потом этот, уже возникший, гнев мы можем выпускать наружу, перенаправлять на замещающие объекты, подавлять волевым усилием, разворачивать на себя или же делать с ним что-либо еще. Но, поскольку вспыхнувший гнев — очень сильная эмоция, любые способы борьбы с ним требуют большого количества энергии и зачастую дают весьма сомнительный результат. Поэтому самый эффективный путь к победе над гневом — останавливать его еще на стадии возникновения.

Можно учиться замечать в конфликтных ситуациях свою эмоциональную боль и не бояться идти в нее, пробовать пожить с ней, почувствовать ее, не прерывая эту боль гневом. И если человек решится на это, тогда происходит маленькое чудо: вдруг оказывается, что с этой болью можно жить, что ты вполне способен справляться с ней и без всякого гнева. Да, какое-то время душа поболит. Но даже единичный опыт победы над этой болью впоследствии станет мощным ресурсом для борьбы с собственной гневливостью. Об этом способе обуздания гнева через терпение эмоционального страдания еще в IV веке писал святитель Василий Великий: *«…Слова его (обидчика) да будут для тебя упражнением в любомудрии. Если они не трогают тебя, это значит, что ты неуязвим. А если и страждет несколько душа, удержи прискорбное внутри себя. Ибо сказано: во мне смятеся сердце мое (Пс 142:4), то есть страсть не выказалась наружу, но усмирилась, подобно волне, разбившейся о берег».*

Вот это самое «удержи прискорбное внутри себя» и есть начало, на котором полагается христианская добродетель терпения. Проживать свою боль, не прятаться от нее за гнев и ярость, а напротив, сделать ее частью своей жизни, и уже переработанную и побежденную ввести в свой эмоциональный опыт — лишь таким путем можно выйти из плена собственной гневливости к свободе добродетельной жизни во Христе.

ВЕРА

Чего боялись святые?

О малодушии и страхах праведников

Страх — неустранимая часть человеческой природы.

Мы боимся за свою жизнь, за жизнь детей и родственников, испытываем страх перед будущим, перед возможными болезнями.

И даже Христос в Гефсиманском саду пережил испепеляющий страх смерти, когда молил Своего Отца: *да минует Меня чаша сия (Мф 26:39).* И все святые переживали такие же естественные человеческие страхи. Иногда они находили в себе силы их преодолевать, а иногда страх одерживал над ними верх, но всегда только временно, всегда лишь для того, чтобы усилить внутреннее мужество их веры.

Святые твердо верили: в любом испытании с ними Тот, Кто, как и они, ужасался, ужасался до предела но все равно сказал эти сокрушающие всякий страх слова: *не как Я хочу, но как Ты (Мф 26:39).*

Боялся быть учеником Христа

Каждую ночь он поднимался со своей постели ровно в полночь, с пением петуха. И встав на колени, начинал тихо плакать и еле слышно произносить слова раскаяния. Эти ночные пробуждения продолжались день за днем, год за годом.

Сохранилось устное предание, что от постоянного плача глаза апостола Петра почти всегда были красными. Какая-то глубокая внутренняя рана не давала ему покоя, усиливаясь до предела, как только в ночной тишине раздавались крики петуха.

Вновь и вновь он мысленно возвращался к той уже оставленной далеко позади ночи, где ярко горящий костер согревал его окоченевшие руки, а тусклый, призрачный свет луны окутывал угрюмые строения, кроны деревьев и людей, столпившихся, несмотря на поздний час, во дворе первосвященника Каиафы.

А где-то внутри дворца судили Иисуса Христа. Судили Того, за Кем апостол три года назад, оставив все, последовал без колебаний, Кто стал его Учителем, имевшим, как сам Петр как-то и сказал Господу, глаголы *(то есть слова. — Ред.)* вечной жизни (Ин 6:68).

Но теперь этот Праведник, который на его глазах исцелял неисцелимых, воскрешал мертвых, чьи слова и поучения были так дороги многим тысячам людей, вероломно схвачен и приведен на суд. А он, бесстрашный Петр, еще недавно поклявшийся своему Учителю, что готов идти за Ним даже на смерть, ничего не может сделать. Только сидеть у огня и ждать…

Апостол не понимал, что некоторые люди, стоявшие с ним рядом, могут догадаться, что он ученик Христа: его выдавало галилейское наречие, на котором он говорил — все знали, что большинство учеников Иисуса родом из Галилеи. Его выдавал робкий вид и вместе с тем то напряженное внимание, с которым он вслушивался в новости о ходе суда. В конце концов его выдавал сам факт, что все эти годы он неотступно следовал за Иисусом и его неизбежно должны были неоднократно видеть рядом с Ним.

Трижды к Петру подходили и спрашивали, не ученик ли он Подсудимого. Трижды апостол мог сказать, что он Христов. И трижды страх заставлял его отрекаться от Учителя. Запел петух. Христос, выведенный стражей во двор после первого допроса, обернулся на Петра. Глаза их встретились. «Тот, — пишет блаженный Иероним, — не мог оставаться во тьме отречения, на кого воззрел Свет мира». Апостол понял: смутившие его несколько часов назад пророческие слова Учителя, что *прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня (Мф 26:34)*, сбылись.

Сердце Петра наполнилось мучительным раскаянием. Ему уже было неважно, что сам он в безопасности, что все подозрения отпали и никто больше не станет мучить его расспросами. Весь он был теперь наполнен страшным осознанием своего отречения. Шум и суета у дворца первосвященника стали Петру невыносимы, и он *выйдя вон, горько заплакал (Лк 22:62).*

И вот по прошествии многих лет — даже после того как Воскресший Учитель трижды простил апостола — воспоминания об этой, быть может самой страшной, ночи в его жизни с болезненной живостью и отчетливостью вспыхнули вновь, как только раздались крики петуха. Сердце святого заныло знакомой болью, глаза помутнели от слез, уста зашептали слова раскаяния.

Боялся казни

Если говорить без ложного пафоса и предельно честно, нет на этом свете ничего страшнее боли и смерти. И, наверное, среди прославленных Церковью мучеников были и те, кто трепетал при виде орудий пыток, кто перебарывал ужас перед лицом надвигающейся смерти. Случалось даже, что одолеть этот страх с первого раза не получалось, так что святой мог и отречься от Христа.

Таким оказался подвиг мученика Иоанна (Виленского). Он жил в XIV веке и вместе со своим братом Антонием был приближенным великого князя Литовского Ольгерда, который долгое время оставался язычником. Известно, что в какой-то момент братья решили тайно принять христианство, после чего наотрез отказались следовать языческим обрядам.

Когда об этом узнал князь, он, призвав братьев к себе, приказал им доказать свою верность ему, съев мясо в постный день. Но те ответили Ольгерду, что обязательство перед Богом выше послушания князю, и есть мясо не стали. Тогда правитель повелел бросить братьев в темницу. В неволе они провели целый год. В конце концов пребывание в темнице до предела извело Иоанна, и он втайне от брата выпросил себе аудиенцию у великого князя и заверил его, что отрекается от Христа. Так он оказался на свободе.

Ольгерд приказал освободить из тюрьмы и Антония, надеясь, что он последует примеру брата. Однако тот остался непреклонен и вскоре

вновь оказался за решеткой: скорбя об отступничестве брата, он наотрез отказался общаться с ним.

Иоанн был совершенно подавлен. С каждым днем совесть мучила его все больше и больше. Даже придворные язычники насмехались над ним. В конце концов он тайно пришел к священнику, от которого недавно принял крещение, и с глубоким и искренним чувством раскаялся в своем малодушии. Получив наставление и поддержку, он с новой решимостью явился к великому князю и в присутствии ухмыляющихся вельмож громко, отчетливо и бесстрашно исповедовал свою веру во Христа.

Правитель пришел в бешенство: в голосе и глазах святого не было ничего наносного, поверхностного. Он приказал жестоко избить Иоанна, а затем бросить его к брату в темницу.

Но даже теперь великий князь еще надеялся «образумить» своего придворного. Он повелел умертвить Антония, чтобы Иоанн при виде казни брата дрогнул. Ольгерд помнил о его недавнем малодушии и рассчитывал, что в темнице, в полном одиночестве, он сломается, не вынесет тяжести этого нового испытания. Но правитель ошибался.

Утром 14 апреля 1347 года святой Антоний был повешен на дубе. Но Иоанн после допроса остался непреклонен. Все оставшееся до собственной казни время он бесстрашно проповедовал Христа стекавшимся со всех сторон к окнам его темницы язычникам.

Через десять дней святой был убит. Тело его повесили рядом с братом — на том же дубе. А ночью местные христиане тайно сняли и похоронили их останки.

Путь мученичества Иоанна — это глубокий и пронзительный пример, хотя бы отчасти приоткрывающий, что переживает святой, бросивший вызов смерти. Невозможно даже представить себе, каким нужно обладать мужеством, а самое главное, до какой степени необходимо довериться Богу, чтобы принять всю боль и унижения такого подвига и перешагнуть этот невыносимый страх перед физическими муками и самой смертью.

Боялся ослушаться

Родственник знатного военачальника, воспитанный в богатой аристократической семье, этот юноша стал монахом … просто потому что очень этого захотел. Его наставник, знаменитый подвижник преподобный авва Дорофей, оставил после его смерти хвалебное слово, посвященное подвигам молодого инока, который больше всего на свете боялся проявить непослушание.

Еще в миру будущий святой Досифей, живший в конце VI — начале VII вв., прослышав как-то от знакомых о знаменитом своими святынями городе Иерусалиме, решил посетить его. И там, в Гефсиманском саду, увидев изображение Страшного Суда, глубоко задумался и с характерной для его юного возраста горячностью захотел оказаться в конце времен по правую сторону от Христа, то есть спастись.

Не теряя ни минуты, он отправился в обитель, настоятелем которой был тогда авва Серид. Здесь он долго и упорно умолял братию принять его в монастырь, пока наконец настоятель, который опасался, что богатый юноша несерьезно и мечтательно воспринимает монашеское служение, не уступил.

Оказавшись под руководством аввы Дорофея, Досифей стал без колебаний исполнять все его поручения. Так он постепенно победил в себе различные пристрастия и порывы. Но однажды сердце Досифея дрогнуло.

Как-то раз в монастырь принесли красивый и очень дорогой нож. Послушник, воспитанный в военной семье, быть может, как никто другой в обители понимал, насколько драгоценен этот подарок. Он взял его, чтобы показать своему учителю это произведение искусства, а затем, если, конечно, будет на то воля аввы, отнести его в монастырскую больницу, в которой нес тогда послушание.

Радостно прибежав к Дорофею, Досифей протянул ему нож и сказал: «Такой-то брат принес этот нож, и я взял его, чтобы, если повелишь, иметь его в больнице, потому что он хорош». «Покажи, я посмотрю, хорош ли он?» — спокойно ответил наставник.

Нож понравился монаху, однако, опасаясь, как бы его подопечный не пристрастился к нему и не утратил все достигнутые им добродетели, он строго сказал: «Досифей, неужели тебе угодно быть рабом ножу этому, а не рабом Богу? Или тебе угодно связать себя пристрастием к ножу этому? Или ты не стыдишься, желая, чтобы обладал тобою этот нож, а не Бог?»

Юноша, услышав это, ужасно испугался. Отвернуться от Бога, предать весь свой подвиг из-за этого, пусть и прекрасно сделанного ножа… Нет, такого он допустить не мог! «Пойди, — услышал он уже более мягкий голос учителя, — и положи нож в больнице и никогда не прикасайся к нему».

Испуганный юноша беспрекословно исполнил повеление аввы Дорофея. Впоследствии он не прикасался к этому ножу даже для того, чтобы просто передать его кому-то из братии. С таким трепетом Досифей относился к словам своего учителя.

Пять лет молодой инок подвизался в обители, а затем вдруг заболел. Мужественно и безропотно он перенес все мучительные стадии своей болезни. А когда он скончался, один из уважаемых всеми аскетов к удивлению всей братии монастыря рассказал, что видел во сне Досифея среди других прославленных Богом подвижников их обители.

Боялся своих преследователей

Далеко не всегда и далеко не все святые избирали подвиг мученичества. Бывало, что, опасаясь за свою жизнь или понимая, что физические муки могут их сломать, они бежали от своих гонителей. И как бы парадоксально это ни звучало, этот страх, гнавший праведников все дальше и дальше от смерти, тоже мог стать частью их пути ко спасению.

Такова, например, история одного из величайших подвижников — преподобного Павла Фивейского. Он родился в III веке в городе Фивы, получил хорошее светское образование. Незадолго до своей кончины его родители в своем завещании разделили все свое богатое имение между Павлом и его сестрой, которая тогда уже была замужем.

Однако, как только родители умерли, муж сестры решил отобрать у Павла его часть наследства. Как раз в это время в городе начались гонения на христиан, и зять стал угрожать Павлу, что выдаст его властям, если он добровольно не откажется от наследства. В ту пору это означало мучения и казнь.

Много лет спустя Павел рассказывал преподобному Антонию Великому, как на его глазах с изуверством, о котором лучше и не писать, замучили до смерти двух совсем еще молодых христиан. Сам он тогда оказался между молотом и наковальней: зять с каждым днем все больше распалялся на него злобой, невзирая на слезы и мольбы

своей жены, а количество схваченных и убитых христиан в городе с каждым днем росло.

И страх взял верх — Павел оставил свое наследство мужу сестры, а сам тайно ночью бежал из города и скрылся в пустыне, где в полном одиночестве прожил 91 год, непрестанно молясь Богу, питаясь финиками и хлебом, который приносил ему ворон.

И когда уже на закате жизни преподобного другой подвижник, Антоний Великий, пришел его навестить, он приветствовал отшельника такими хвалебными словами: *«Радуйся, Павел, избранный сосуд и огненный столп, житель сей пустыни!»* Он же через несколько дней похоронил великого святого, а затем поведал другим о его подвиге в пустыне, который начался, казалось бы, с обычного страха.

Боялись обидеть человека

Но был у святых и особенный, только им свойственный страх. Они боялись согрешить, боялись обидеть ближнего. Этот страх порождался той предельной ответственностью, с которой праведники относились к каждому человеку. И такой страх уже свидетельствовал не о слабости, а о силе человека.

Так боялся обидеть даже тяжело провинившегося против Церкви священника святитель Иоанн Милостивый, Патриарх Александрийский, живший в VI — начале VII веков. Святой собирался отлучить его от Церкви, и клирик, узнав о намерении Патриарха, озлобился на него.

Однако святой не спешил. Перед этим тяжелейшим для христианина наказанием он предложил провинившемуся священнику встретиться и побеседовать, но сам, отвлеченный массой других дел, забыл о своем предложении и к своему ужасу вспомнил об этом, только когда пришел в храм, чтобы совершить Божественную литургию. Святитель так испугался, что из-за его забывчивости клирик погибнет, отпав от Церкви, что немедленно вышел из алтаря и попросил позвать его в храм. А когда тот пришел, встал перед ним на колени и громко попросил у него прощения.

Потрясенный клирик сам глубоко раскаялся в содеянном и до конца своей жизни оставался примерным и благочестивым священником.

Другой удивительный пример такого святого страха приводит в своих воспоминаниях один из келейников святителя Тихона Задонского, знаменитого подвижника XVIII века. Однажды — епископ тогда жил уже на покое в Задонском монастыре — он заехал к одному знакомому помещику, у которого в то время гостил один дворянин с характером типичного образованного вольнодумца, ценившего свои интеллектуальные способности больше всего на свете. Между ним и святителем Тихоном завязалась беседа. Епископ спокойно и аргументированно опровергал тезисы своего оппонента и так его разозлил, что тот в запальчивости ударил собеседника по щеке.

Как ни странно, архиерей даже не обиделся. Наоборот, он так испугался того, что ввел человека в такое искушение (по его же собственным словам!), что встал перед ним на колени и стал просить прощения. И этот удивительный поступок святого настолько поразил гостя, что он, раскаявшись, со слезами на глазах сам упал к ногам святителя.

Подготовил Тихон Сысоев
Рисунки Натальи Федоренковой

Когда исчезает страх

Каждому из нас кажется, что самым страшным в жизни является боль. От боли страдает душевный и телесный человек, и каждый стремится избежать ее. Но апостол Иоанн Богослов учит нас, что есть нечто более страшное, чем боль, — это страх. «В страхе есть мучение» — мучение не столько от боли, сколько от самого страха, от ужаса. Эти удивительные слова поражают сознание, и наша современная жизнь дает нам множество доказательств правоты этих огненных слов апостола и евангелиста.

Действительно, страх поражает человека. Недаром и современные философы, и специалисты в области медицины говорят, что нынешняя цивилизация, нынешнее общество в первую очередь страдает от стрессов. Мы действительно многого боимся. Мы боимся заболеть, мы боимся быть обманутыми, мы боимся потерять или проиграть — проиграть выборы, проиграть в споре, проиграть в конкуренции. А больше всего мы боимся старости, болезней, одиночества и, наконец,

смерти. Неизвестно, поразит ли человека болезнь, но болезни он боится; неизвестно, проиграет ли человек спор, но само опасение проиграть вселяет страх в душу…

Эти страхи современной жизни явлены нам как некая печать неблагополучия человеческого общества. В самом деле, современный мир устроен так, что он воспроизводит ложные ценности. В качестве образца благополучия мир предлагает человеку материальное благополучие и наслаждение: имей больше денег, больше комфорта, пользуйся всем этим — и будешь счастлив. Именно психология человека, устремленного к наслаждению и внешнему благополучию, и оказывается чрезвычайно уязвимой. Именно здесь и рождаются страхи, ведь благополучие может быть отнято в любой момент, и в любой момент человек может оказаться неспособным наслаждаться жизнью. Что же тогда? А тогда страх и ужас. Сегодня общество поставило воспроизводство ужасов и кошмаров на поток. Достаточно посмотреть телевизионные передачи, фильмы, новостные блоки: постоянные картины кошмара и ужаса; и когда человек, устремляющийся к внешнему благополучию, к наслаждению, вглядывается в эти картины, он подпадает под власть страха — отсюда и произрастают стрессы и духовное неблагополучие. Кроме того, страх становится неким инструментом манипуляции сознанием человека. При помощи страха можно достигать политических или иных целей — человек, живущий в страхе, становится легкоуправляемым, он теряет свободу.

Чему же учит нас сегодня святой Иоанн Богослов? Он учит нас величайшей мудрости — как победить страх, как победить стресс, как сохранить внутреннюю свободу: «Совершенная любовь изгоняет страх». Кому-то это может показаться непонятным, но в этих словах — величайшая мудрость. Через них человек одерживает победу над любыми страхами и становится мужественным и непобедимым. Уже не обстоятельства жизни господствуют над человеком, но человек становится сильнее обстоятельств.

Что же такое совершенная любовь? Существует ли она вообще? Апостол отвечает: да. Он говорит о том, что Сам Бог есть Любовь, и пребывающий в любви в Боге пребывает, и Бог пребывает в нем. А это

значит, что человеческое сообщество, которое изгоняет Бога из своей жизни, обречено на страх, и этот страх будет лишь возрастать настолько, что неизвестно, что́ останется от человеческой личности. Но когда мы живем с Богом, мы становимся сильными. Мы ничего не боимся, мы вручаем свою жизнь воле Божией, мы стараемся слышать Его голос, у нас вырастают крылья, мы способны летать, мы способны преодолевать любые трудности жизни — и личные, и семейные, и общественные, и государственные, — потому что Бог через любовь освобождает нас от страха.

И ведь сам Иоанн Богослов явил тому пример, когда он, возлюбленный ученик Спасителя, не убоялся Голгофы. Другие ученики разбежались, а он вместе с Матерью Спасителя стоял у Креста, ничего не боясь — ни римских воинов, ни злобы первосвященников, ни диких криков беснующейся толпы. Он стоял у Креста, победив страх, потому что с Богом в сердце страх исчезает.

Патриарх Кирилл

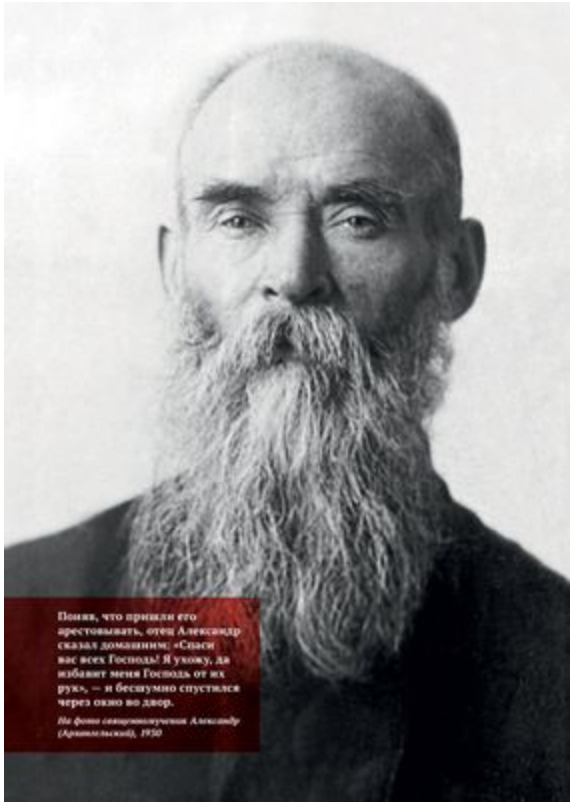
Из проповеди за Божественной литургией на центральной площади Кишинева, 9 октября 2011 года. Заголовок дан редакцией

НОВОМУЧЕНИКИ

Священномученик

Александр Архангельский

1874 – **2.08.1930**

2 августа 1930 года в 10 часов вечера трое сотрудников госбезопасности расстреляли людей, ни в чем не виновных — ни перед государством, ни перед ними, ни перед другими людьми. Расстрелянных было девять, среди них — и протоиерей Александр Архангельский.

* * *

Священномученик Александр родился в 1874 году в селе Сошки Липецкого уезда Тамбовской губернии в семье псаломщика Троицкой церкви Николая Архангельского. В 1896 году он окончил Тамбовскую духовную семинарию и поступил в Троицкий храм псаломщиком. Впоследствии он обвенчался с девицей Екатериной, дочерью протоиерея Капитона Алексеева, настоятеля Троицкого храма в селе Сошки.

В самом начале их семейной жизни Екатерина тяжело заболела, и ее поместили в земскую больницу. Александр Николаевич взял тогда помощницей по дому глухую девочку-сироту. Однажды он вместе с ней отправился навестить жену в больнице. Проезжая по улице, они увидели, что с крестным ходом несут Казанскую икону Божией Матери. Александр Николаевич велел кучеру остановиться и, подойдя к священнику, попросил его отслужить молебен о здравии глухой девочки. Помолившись, они отправились дальше. По дороге разразилась страшная гроза, раскаты грома от края до края катились по небу. Девочка вдруг стала испуганно креститься, и Александр Николаевич с удивлением спросил ее: «Ты что, Марфуша, разве что слышишь?» Она ответила, что слышит, хорошо все слышит…

В 1904 году Александр Николаевич был рукоположен во диакона ко храму Архистратига Божия Михаила в селе Сторожевские Хутора в Усманском уезде, а через два года — во священника. Господь даровал отцу Александру большую семью — у него было семь детей — и любящее, милующее сердце. Когда в соседней деревне скончались супруги-крестьяне и у них сиротами остались двое детей, отец Александр взял их на свое полное обеспечение.

Однажды он поехал в город Усмань навестить учившихся в гимназии детей. Проезжая через деревню, он увидел охваченный пламенем дом. Нимало не медля, он остановил повозку, вбежал в горящий дом и

вынес из него трехлетнюю девочку. Родители ее в это время отсутствовали, и он, отдав их дочку соседям, отправился дальше.

Село, где находился храм Архистратига Божия Михаила и жил священник, было большим, растянувшимся по главной улице вдоль реки Усманки почти на десять километров. Отец Александр по целым дням или был в храме, или ходил с требами по домам прихожан. На все большие праздники в храм съезжалось множество богомольцев из окрестных деревень, многие из них оставались ночевать в доме священника. Екатерина Капитоновна была хорошей помощницей отцу Александру, и хотя здоровья она была слабого, однако всем гостям старалась уделить внимание, всех привечала и всех кормила. Дети, послушные родителям, любили их беззаветно.

Пришедшие к власти большевики потребовали от священника отдать свой дом под школу — отец Александр безропотно согласился. Они потребовали отдать им все книги и журналы из его библиотеки — он отдал и их. Приказали отдать домашнюю мебель — он и ее отдал. Но школа просуществовала недолго, учителя и учащиеся стали часто болеть, и, связав это с тем, что занятия проходят в доме, отнятом у священника, учителя стали ходатайствовать о переводе школы в другое здание, что и было впоследствии сделано.

Во время Гражданской войны большевики попытались расправиться со священником. Под праздник Покрова Божией Матери отец Александр поздно вернулся домой — промокший под дождем и уставший. Он прошел на кухню, чтобы лечь на печь и согреться, и вдруг услышал топот копыт, внезапно оборвавшийся у двери их дома. И он понял, что это приехали за ним. Священник вышел в сени и, несколько изменив голос, спросил: «Кто здесь? Сейчас открою». Потом прошел в столовую и сказал домашним: «Спаси вас всех Господь! Я ухожу, да избавит меня Господь от их рук». И бесшумно спустился через окно во двор.

Домашние открыли дверь и засветили светильник; огонек жалобно трепетал и вот-вот готов был погаснуть под порывами ветра. Один из пришедших спросил: «Кто здесь живет?» Ему ответили: «Священник». Тогда они прошли в дом, и один из них спросил: «Где он?» Екатерина

Капитоновна ответила, что он уехал или на требу, или на мельницу. «А кто с нами говорил?» — спросили они.

Екатерина Капитоновна ответила, что это был сын, и сын тотчас подтвердил это. Красноармейцы тщательно обыскали дом и выставили часовых — одного во дворе, а другого на улице, на случай если священник вернется.

Тем временем отец Александр, добравшись до дома одной из своих прихожанок, попросил ее: «Марфа Ивановна, укрой меня, за мной гонятся бандиты». — «Батюшка, — ответила та, — все знают, что ты к нам ходишь, и я к тебе хожу. Лучше тебе уйти подальше». Он с минуту подумал, а затем, посчитав ее совет вполне благоразумным, отправился в соседнюю деревню Федоровку к одному из прихожан, и тот спрятал его в стоге соломы.

Однако решимость красноармейцев арестовать отца Александра была так велика, что они стали проводить повальные обыски в домах не только в Сторожевых Хуторах, но и в соседних деревнях и, наконец, добрались до дома, где скрывался священник. Проводя обыск, они тыкали в стог соломы штыками, но милостью Божией не задели священника. Перед рассветом, потемну отец Александр пешком ушел в город Усмань, а оттуда уехал в Воронеж, где получил назначение в Покровский храм в селе Липовка Бобровского уезда. Здесь он прослужил два с половиной года, после чего служил в Сретенском храме села Мечетка, а затем — в Успенской церкви в городе Бутурлиновке. Во время служения в Бутурлиновке отец Александр был возведен в сан протоиерея.

В 1929 году был арестован благочинный храмов Бобровского района. Перед тем как его увели в тюрьму, он попросил у конвоя дать ему время для сборов и успел составить письменное распоряжение, назначив протоиерея Александра Архангельского благочинным вместо себя. Получив распоряжение, отец Александр сообщил о нем членам церковного совета Успенской церкви и благочиннического совета. В мае 1929 года Успенская община поручила ему узнать, какому епископу подчиняются приходы благочиния, и для этого обратиться к священнику Иоанну Стеблин-Каменскому, жившему в Воронеже. Отец Александр нашел протоиерея Иоанна после богослужения крайне

утомленным и сообщил, что приехал по поручению Бутурлиновской церковной общины узнать, кто у них теперь правящий епископ. Отец Иоанн ответил, что теперь это епископ Серпуховской Максим (Жижиленко), и показал полученное от того письменное распоряжение, касающееся управления подчиненными ему приходами. Вскоре, однако, пришло известие, что епископ Максим арестован и не управляет епархией.

29 июля 1929 года благочиннический совет вновь командировал протоиерея Александра в Воронеж для выяснения вопроса, кто теперь у них правящий архиерей. Он прибыл в Алексеевский монастырь и обратился к архимандриту Игнатию (Бирюкову); тот на вопрос об управляющем епархией, по своему обыкновению, ласково сказал: «Касатик, по совету и указанию ленинградских епископов, в частности архиепископа Димитрия, остановились на Иоасафе, епископе Бахмутовско-Донецком. Наши монахи поедут рукополагаться к нему и будут просить его взять нашу церковь под его руководство; если угодно, присоединяйтесь к этому ходатайству и вы».

19 сентября 1929 года отец Александр по поручению благочиннического совета отправился к епископу Иоасафу (Попову), который взял приходы под свое руководство, указав, чтобы отец Александр оставался благочинным храмов Бобровского района, а прочие благочинные управляли в православном духе храмами, какие уже состоят в их ведении, не касаясь политических тем; дело духовенства — молитва и жизнь в соответствии с церковным уставом в подчинении и послушании гражданской власти.

* * *

В апреле 1930 года в Соловецкий концлагерь поступило распоряжение — арестовать священника Иоанна Стеблин-Каменского и этапировать его в воронежскую тюрьму. Тогда же в Воронежской области были арестованы протоиерей Александр Архангельский, священники Сергий Гортинский, Феодор Яковлев и Георгий Никитин, архимандрит Тихон (Кречков), иеромонах Кирилл (Вязников) и миряне Евфимий Гребенщиков и Петр Вязников, которые затем проходили по одному делу — по обвинению в участии в контрреволюционной организации.

Отец Александр заявил следствию, что даже не слышал о той организации, членство в которой ему приписывали.

14 июля всем обвиняемым было объявлено об окончании следствия. 28 июля Коллегия ОГПУ, приговорила их к расстрелу.

Вечером 2 августа 1930 года сотрудники госбезопасности на основании выписки из протокола ОГПУ расстреляли девятерых невинных людей — протоиереев Александра Архангельского и Иоанна Стеблин-Каменского, священников Сергия Гортинского, Феодора Яковлева и Георгия Никитина, архимандрита Тихона (Кречкова), иеромонаха Кирилла (Вязникова) и мирян Евфимия Гребенщикова и Петра Вязникова — и закопали их тела в общей могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский),

ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», www.fond.ru

ЛЮДИ

Три истории на грани смерти,

рассказанные священником из онкодиспансера

Священник Александр Гончаров — настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Всецарица» в Витебской больнице. Храм здесь открыли 14 лет назад. Каждую неделю по субботам и праздничным дням тут совершается литургия и молебен перед иконой Богородицы «Всецарица». Прихожанки отца Александра образовали сестричество, помогают больным: приносят еду, одежду, могут просто поговорить с одинокими людьми. Чаще всего это разговоры о вере — многие люди именно тут просят о крещении, исповеди или причастии. Если есть необходимость в помощи священника, немедленно с ним связываются. Еженедельно батюшка с сестрами милосердия приходят в каждую палату онкодиспасера и стараются хоть немного облегчить тяжелое состояние больных.

Отец Александр рассказал «Фоме» страшные и одновременно чудесные истории из своего больничного служения.

История первая.

НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Был такой случай. Заходим в мужскую палату. Сидит дедушка из какой-то глухой деревни, где храма нет. Оказалось, что он ни разу в жизни не исповедовался, не причащался. Даже в церкви никогда не был. Я совершил над ним оба таинства, через неделю сестры милосердия приходят в эту палату и говорят:

— Кто тут на исповедь и причастие?

Мужчины:

— Ни в коем случае!

— Почему?

— А вот вы в прошлый раз пришли, дедушка согласился, а через два дня умер.

Для них ужас, а для меня — чудо. 96 лет было дедушке. Как-будто ждал. Причем крепенький, не тяжелобольной. Сестры с ним поговорили во время обхода, а потом позвали меня. Думаю, Господь определил его в это учреждение для нашей встречи.

Такие случаи не единичны — иногда, чтобы причастить больного, счет идет не на дни, а на минуты. В отделении находилась тяжелобольная, которая была на обезболивающих наркотиках — последняя стадия. Вдруг она попросила меня прийти ее поисповедовать и причастить. Со мной пошла сестра милосердия. Пока я собирал все для причастия, дежурная сестра успела ввести укол и сказала: «У вас есть пять, может быть, шесть минут. Потом она уснет и может не проснуться».

Чтобы причастить больного, надо прочитать предначинательные молитвы, Символ веры и три молитвы ко Причастию. Я прочитал предначинательные, Символ веры пропустил, успел прочитать первую молитву ко Причастию и вижу, что у нее глаза уже слипаются. Понимаю, что действовать нужно срочно: причащаю, даю поцеловать крест — и она засыпает. Нас с сестрой переполнило состояние несказанной радости от того, что мы все-таки успели. Эта пациентка так и не проснулась. И это для меня чудо.

История вторая.

СЛУЧАЙ В РЕАНИМАЦИИ

В урологическом корпусе две палаты с тяжелобольными. Приходят сестры милосердия, говорят: «Давайте креститься». Одна женщина желает, вторая не очень. Тем не менее согласились обе. Я прихожу, начинаю таинство, одной из них становится плохо. Вызывают врача, ей оказывают помощь, ставят капельницу, кругом суета, ну а мне что делать? Я же должен завершить начатое. И мы начинаем действовать одновременно: с одной стороны ее лечит врач, а с другой я совершаю таинство Крещения.

Я их покрестил и сказал, что завтра приду причастить. Прихожу — обе встали с кроватей, улыбаются, хотя еще вчера у них состояние было тяжелое. В дальнейшем та женщина, которая не хотела креститься, кардинально изменила свое отношение к Церкви, стала постоянной прихожанкой. Часто бывают ситуации, когда приходится работать

параллельно: врач свою реанимацию проводит, я — свою. Он лечит тело, а я душу.

История третья.

КРЕЩЕНИЕ И ОПУХОЛЬ

Один молодой человек девятнадцати лет пришел в храм и попросил о крещении, потому что у него в голове обнаружили опухоль. Это был как раз перед праздником Крещения Господня. Говорю:

— Давайте так: я вас сегодня покрещу, а на Крещение будет служба, тогда и причаститесь.

— Да вы что, не понимаете? Мне на операцию!

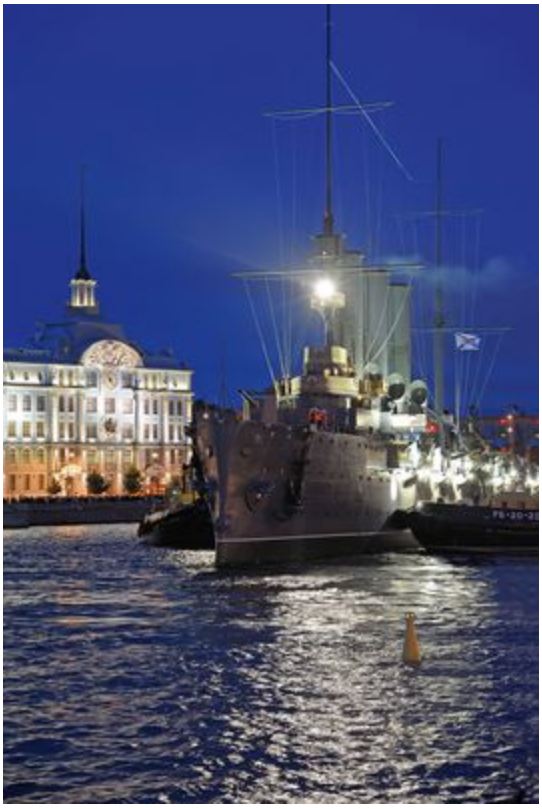
— Выслушайте меня: я вас сегодня крещу, а в среду вы приходите на службу причащаться.

На следующий день, накануне Крещения, он прибегает в храм и говорит: «Чудо!». После крещения ему сделали контрольную томографию мозга, чтобы отправить на операцию, а там все чисто! Нет опухоли. Пришел на службу, причастился. Таких случаев у нас много — все годы служения в больнице я четко ощущаю, что Божья помощь всегда со мной.

Подготовил Кирилл Баглай

«Аврора» верит

Что мы не знали о самом известном крейсере России

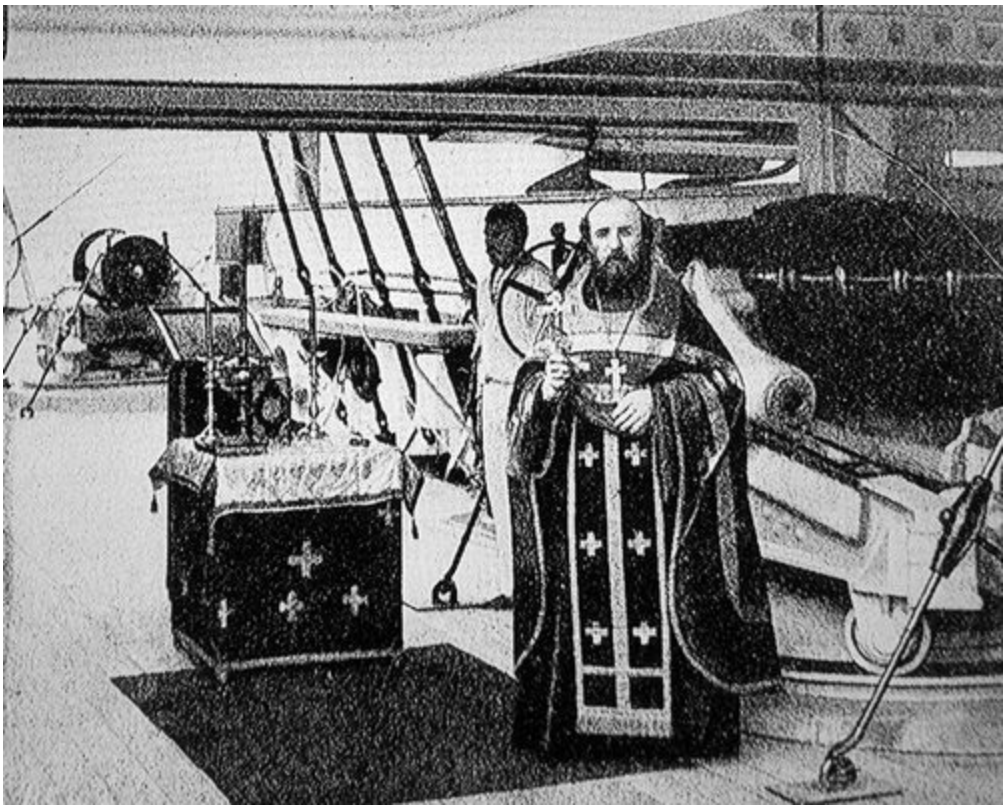

Выстрел легендарной пушки, штурм Зимнего… Крейсер «Аврора» долго ассоциировался у нас исключительно с историческим переломом в судьбе России. И только в последние годы мы начали узнавать о другой «Авроре» — православной, о священниках, павших в бою, о судьбах «флотских монахов». Сегодня на крейсере вновь звучит молитва — за всех, без разделения на красных и белых, правых и виноватых.

Батюшка по-флотски

Три века судовые священники разделяли судьбу матросов: вдохновляли, исповедовали, отпевали. Морской Устав 1720 года гласил: «Долженствуют все в учрежденные часы по уставу и по сигналам непременно к молитвам утренним, дневным и вечерним быть готовы во всякий день». Определял он и жизнь «флотских» батюшек — глава «О священниках» состоит из одиннадцати обязательных к выполнению пунктов.

Священник делил с экипажем все тяготы флотской жизни: качку, скудную еду, режим. Он всегда был на борту — и в порту, и в походе, и в бою, чтобы «словом Божиим помогать преодолевать страх и добиваться победы» и «смотреть за больными, чтобы без причастия не умерли».

Судовой священник на верхней палубе крейсера. Русско-японская война. 1904

Корабельные храмы создавались по единому утвержденному образцу. Вот и на «Авроре» иконостас представлял собой простую раздвижную деревянную конструкцию с иконами «серийного производства».

Один крейсер и десять священников

По преданию, имя «Аврора» выбрал сам Николай II — из одиннадцати предложенных (среди них были «Наяда», «Психея», «Юнона», «Нептун» и даже славянский бог-кентавр «Полкан»). Когда 24 мая 1900 года ее под залпы артиллерийского салюта в присутствии императорской четы спустили на воду, около каюты командира лежал тот самый складной иконостас, а часть палубы именовалась «церковной».

Матросы на молитве на верхней палубе «Авроры». Русско-японская война.
1904

Впереди у «Авроры» была служба на Дальнем Востоке в составе Тихоокеанской эскадры и легендарное Цусимское сражение в мае 1905

года — решающее сражение Русско-японской войны, в котором русская эскадра была полностью разгромлена.

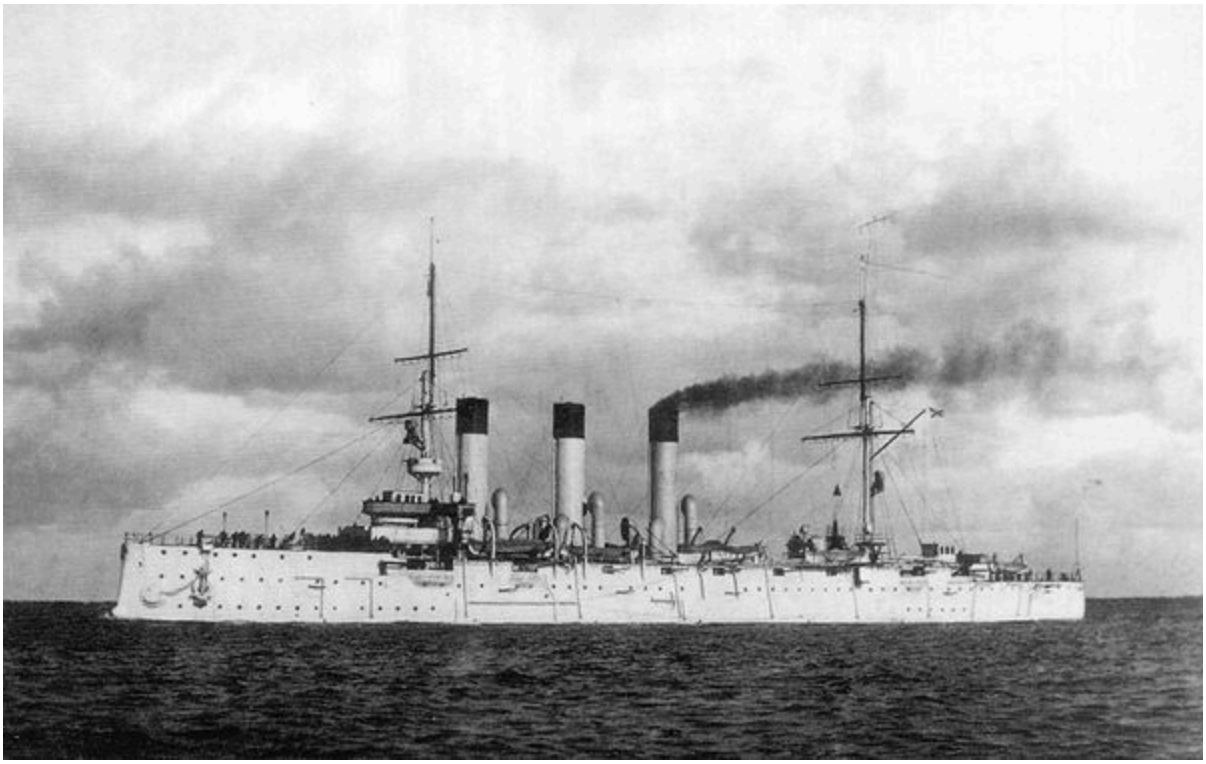
Вот что пишет о том времени военный хирург Владимир Кравченко в книге «Записки судового врача. Через три океана»:

«1 мая 1905. Сегодня маевка в России, то есть стачки, забастовки студентов, рабочих и... последствия, сопряженные со всем этим — веселый денек у вас сегодня! Ну, а мы в пять часов утра двинулись далее в свой путь. Днем был отслужен молебен с водосвятием, судно окроплено святой водой. Служба тянулась без конца. Священник не выпускал решительно ни одной молитвы и наказывал этим наших грешников, привыкших к более короткой службе. Когда после в кают-компании кто-то заметил: “Нельзя ли, батя, служить как-нибудь покороче?” — батя вспылил, принес требник и просил вопрошающего указать ему все то, что он находит лишним».

С 1903 по 1916 год на «Авроре», сменяя друг друга, служили десять священников. Не все их имена установлены. Не все они вернулись домой.

Первая жертва

10 мая 1904 года на палубу крейсера ступил сын вологодского священника иеромонах Анастасий (Рукин). 2 октября «Аврора» в составе Второй Тихоокеанской эскадры вышла из Либавы (ныне Лиепая). А в ночь на 9 октября в Северном море, недалеко от английского города Гул, в сильнейший туман другим кораблям эскадры «померещились японские миноносцы», и они случайно обстреляли суда английских рыбаков и собственный крейсер «Аврора»: в него попало пять снарядов, два из них — в каюту священника.

Бронепалубный крейсер 1-го ранга «Аврора», ходовые испытания на Балтике. 1903

Отец Анастасий был тяжело ранен. Пришлось пристать в ближайшем порту, чтобы оказать ему помощь. В Танжере (Марокко) был маленький французский госпиталь на 15 коек. *«Туда был перевезен с “Авроры” раненный в Гуле священник-монах отец Анастасий. С*

размозженной в плече рукой он был слишком слаб, чтобы подвергнуться операции… и скончался через сутки», — пишет корабельный доктор Кравченко.

Похоронили батюшку на старокатолическом кладбище в центре города. Командир «Авроры», капитан 1-го ранга Евгений Егорьев вспоминал: *«Хоронили беднягу при сильной непогоде. Собралось много всякого сброда, за неимением экипажей в городе несли гроб наши нижние чины. Поставили на могиле большой православный крест, сделанный у нас на "Авроре", и разошлись, оставив первую жертву нашей эскадры, бедного монаха отца Анастасия, в недрах африканской могилы, о которой ему никогда в жизни и в голову прийти не могло».*

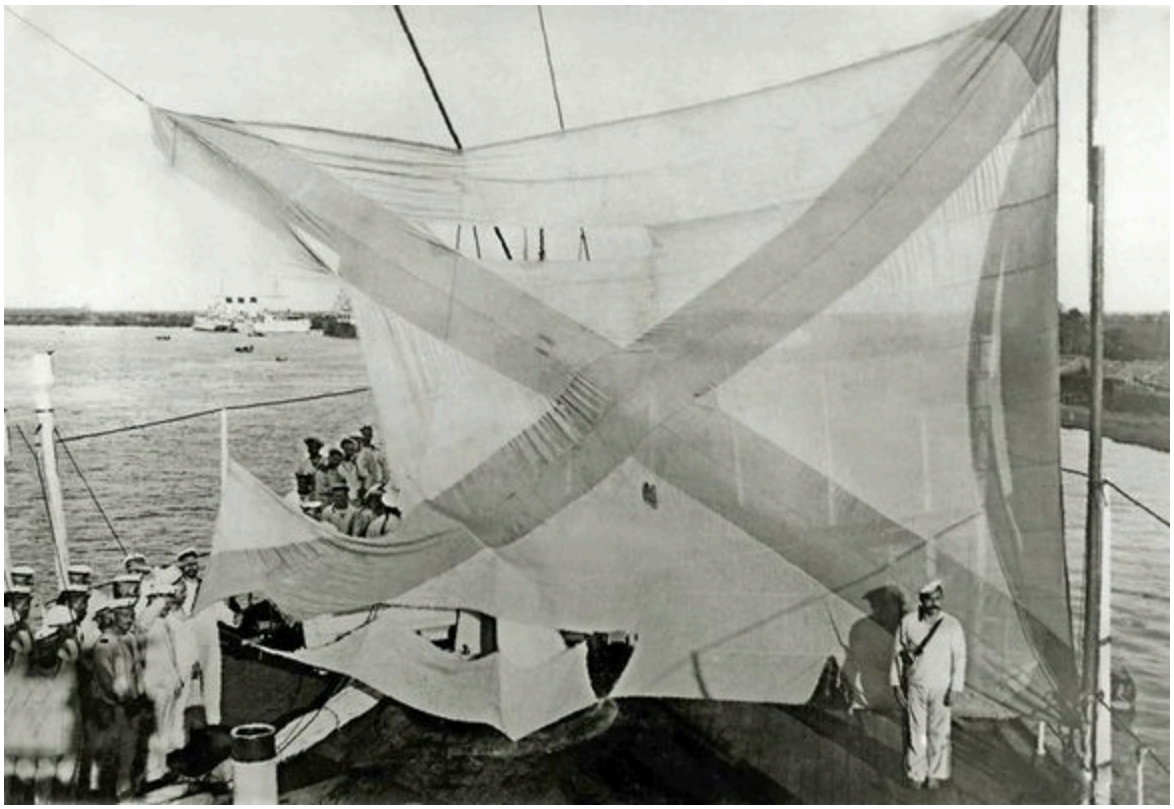

Командир «Авроры» капитан 1-го ранга Е. Р. Егорьев

Сам командир крейсера погибнет полгода спустя, в Цусимском сражении. Похоронят его в открытом море у побережья Филиппин.

Пасха перед Цусимой

«Походная церковь собрана на боевом перевязочном пункте. Защита из коек задрапирована флагами. Наверху потушены все огни. Усиленная вахта офицеров и команды зорко следит за горизонтом, прислушиваясь в то же время к доносящимся из батарейной палубы молитвам священника и трогательным для всякого русского возгласам “Христос Воскресе!”. После богослужения, кончившегося в два часа, командир и офицеры поздравили команду, затем собрались за столом дружной семьей», — так описывает Пасху 1905 года хирург Кравченко.

Кормовой флаг «Авроры» после Цусимского сражения. 1905

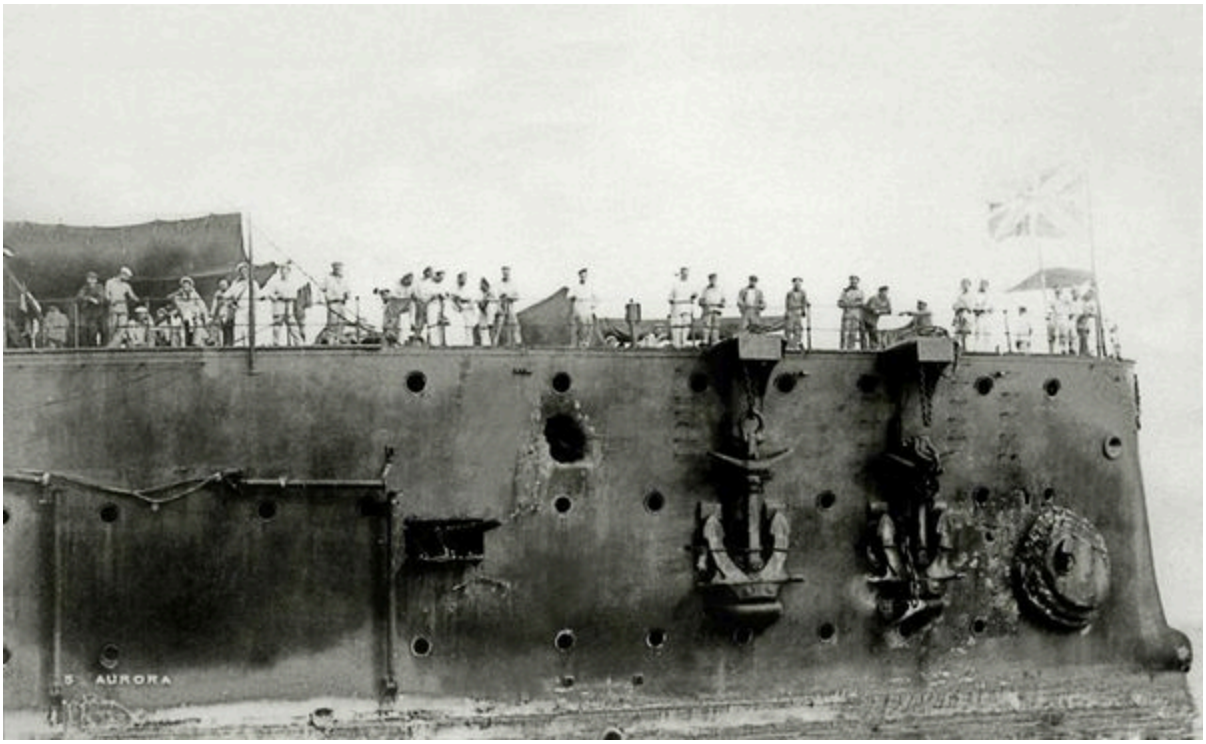
На «Авроре» служил уже новый священник — отец Георгий. В летописи крейсера о нем остались такие свидетельства:

«Вот послышался гром отдаленной канонады, становившийся все слышнее и слышнее. Пришел отец Георгий, окончивший обход с крестом всех палуб…»

«Отец Георгий, совершенно лишившийся голоса, едва слышно произнес обряд отпевания, и матросы стали опускать по доске в море безмолвные серые фигуры, одну за другой…»

«Отец Георгий, можно сказать, весь погрузился в медицину; от раненых не уходил ни на шаг и к концу перехода был неузнаваем: так осунулся…»

«В боевом перевязочном пункте — в церковном отделении — в невозможной жаре и духоте идет богослужение. Батя, отец Георгий, седенький благообразный старичок, служит с чувством, нараспев…»

«Аврора» после Цусимского сражения на рейде в Маниле. В Цусимском сражении крейсер получил 18 попаданий. 1905

«Без сомнения, это особый подвиг, — говорит нынешний настоятель корабельного храма протоиерей Александр Ткаченко (основатель и гендиректор первого в России детского хосписа). — Для нынешнего поколения священнослужителей и тех, кто видит свою пастырскую

деятельность в служении в воинских частях, образ духовенства прошлой эпохи должен быть примером для подражания».

В годы Первой мировой войны на крейсере служил иеромонах Алексей (Каллестинов) — последний, кто прочитал молитву на «Авроре». Революционная волна 1917 года унесла за собой не только ее корабельных священников, но походный иконостас: его выбросили за борт.

Вскоре крейсер стал учебным судном, а церковную палубу переименовали в «коммунистическую». А в 1944-м «Аврора» превратилась в музей истории флота. И только спустя 70 лет — во время последнего ремонта в 2015 году — на нее вернулась походная церковь.

«Работал до последнего дня»

«Об этой церкви и корабельных священниках и говорить-то было не принято. А сколько лет мы скрывали, что крестным отцом “Авроры” был Николай II», — рассказывают экскурсоводы.

Сегодня здесь, в музее, на мультимедийных экранах — рассказ о морских церквях и истории флотского духовенства. И иконостас — точь-в-точь как тот, перед которым молились матросы «Авроры» в Цусимском бою и в годы Первой мировой.

Константин Логачев, глава Северо-Западной библейской комиссии, восстановил иконостас корабельного храма буквально по одной сохранившейся фотографии, пока шел капитальный ремонт крейсера (2015—2016 гг). Конец реставрации совпал с тяжелой болезнью, у Константина диагностировали рак. Летом 2017 года он скончался

Впервые о возрождении корабельной святыни заговорил Патриарх Алексий II еще в 90-е годы. Реализовать задуманное и вернуть «Авроре» церковь выпало Константину Логачеву, главе Северо-Западной библейской комиссии. Когда его попросили помочь в

возрождении корабельного иконостаса, он как раз работал в фирме, занимающейся реставрацией куполов и иконостасов.

В 2015 году, когда крейсер проходил полный ремонт в доке Кронштадтского морского завода, Константин буквально дневал и ночевал в архивах, выискивая хоть какую-то информацию о походной церкви.

«Восстанавливали все с нуля, по эскизам, перелопатили огромное количество литературы, читали воспоминания доктора Кравченко, — вспоминает супруга Константина Логачева Ольга. — Муж очень хорошо в этом всем разбирался — в иконостасах, их устройстве, иконописи… Общался со священниками, переписывался, искал. Он мне говорил, что и сам хотел стать священником… Не получилось. Но он был рад помогать Церкви, как мог».

В Военно-морском архиве нашлась единственная черно-белая фотография с «Авроры». «Мы изучали аналоги — в Музее религии, в храмах Санкт-Петербурга, — и старались сохранить стиль и характер иконостаса таким, каким он представлялся по фотографии», — вспоминает иконописец Светлана Кобышева.

Кроме нее над иконами для «Авроры» трудились Роман Оленич и Оксана Сухорукова, воспитанники Академии художеств им. И. Е. Репина.

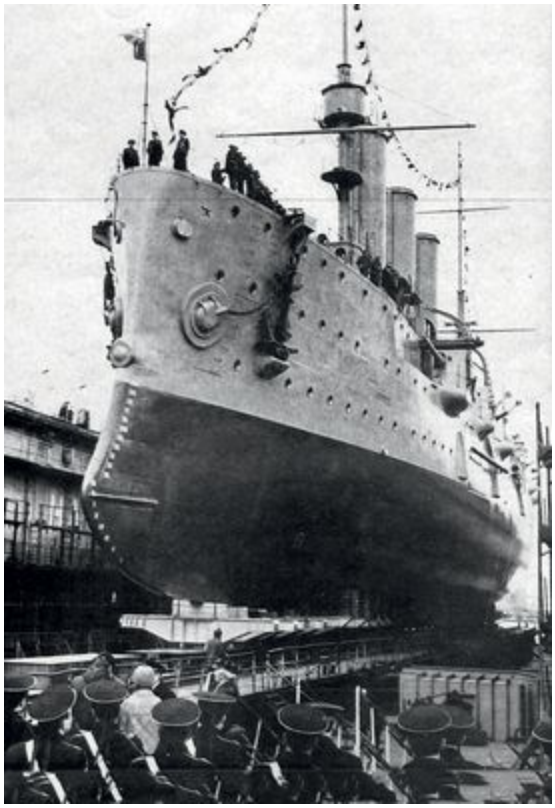

«Цвет икон сначала задумывался более приглушённым, менее “материальным”, но потом по совету заказчика, которого представлял Константин Логачев, колористическое решение было изменено», — вспоминает Светлана.

Иконопись стала более реалистичной, цвет — интенсивным. По ее словам, золочение не применяли, потому что его, скорее всего, не было в оригинале. «Возможно, иконы исторического иконостаса были написаны на холстах, возможно, это были доски», — рассказывает художница. В итоге был выбран некий технологический компромисс — для основы икон был выбран холст, наклеенный на прессованную древесную плиту.

«Для меня лично работа над иконостасом для “Авроры” была опоэтизирована моими детскими воспоминаниями о том, как меня на легендарном крейсере принимали в пионеры, как я этим гордилась и как мне хотелось выйти в море на таком прекрасном корабле под красным флагом! И вот я участвую в восстановлении иконостаса этого символа безбожной власти!» — делится своими чувствами Светлана.

Благодаря таланту иконописцев и энергии Константина Логачева работа была сдана в кратчайший срок: в июле 2016-го, когда крейсер вернулся из дока на место вечной стоянки, готовый иконостас оставалось лишь покрыть лаком.

«Аврора» после капитального ремонта и перед спуском на воду. 1987

Но представить свою работу президенту, когда он посетил крейсер в день ВМФ, сам Логачев уже не смог: наблюдал за происходящим по телевизору с больничной койки.

«Мы поздно спохватились, рак был с метастазами. Но он все равно работал, работал, между курсами химиотерапии бежал в мастерские, — вспоминает Ольга. — Была сильная вера в то, что это испытание необходимо». По ее словам, однажды после визита друзей из мастерских Константин, уже совсем обессилевший, спросил: "А они мне работу не предлагают?"»

Первый заместитель главного редактора журнала «Фома» Владимир Гурболиков вспоминает свои последние беседы с ним: «Логачев

понимал, как далеко зашла его болезнь, и держался очень мужественно. Иконостас на “Авроре” для него, возможно, был подведением главного итога жизни, его последним приношением Богу». Летом 2017 года Константина Логачева не стало. С тех пор на крейсере «Аврора» молятся о его упокоении.

Настоятель храма крейсера «Аврора» священник Александр Ткаченко поздравляет с Пасхой командира крейсера, капитана 3-го ранга Артема Знаменщикова, 15 апреля 2018 года

«Я, как командир корабля, уверен, что воссоздание корабельного храма очень важно, как для самого крейсера, так и для экипажа корабля, — говорит капитан 3-го ранга Артем Знаменщиков, нынешний командир «Авроры». — Сейчас по всем церковным праздникам на крейсере проходят богослужения — приходят верующие члены экипажа от матросов до мичманов и офицеров. Я думаю, это настоящая благодать! Воссоздаются традиции флота, открываются новые иконостасы взамен утраченных. День освящения нашего храма, безусловно, стал

особенным для всех». На крейсере даже планируют создать отдельный стенд с именами тех, кто воссоздавал святыню.

Говорит командир и об особой роли корабельного священника: «После службы отец Александр уделяет внимание каждому — беседует, отвечает на вопросы. Любой матрос может посоветоваться, найти поддержку, вернуть силы для несения службы. Мы все такой возможностью очень дорожим».

«Не делим на красных и белых»

В этом году особенно торжественным было на «Авроре» богослужение в день Святой Троицы — он совпал с днем рождения Северной столицы и днем памяти павших в Цусимском сражении (27 мая). Вместе с экипажем в храме молились потомки воевавших при Цусиме, в том числе великий князь Георгий Михайлович Романов. Его прадед, великий князь Кирилл Владимирович, был на корабле «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым и, когда тот вместе с кораблем погиб, несколько часов провел в ледяной воде, пока его не спасли матросы.

В день первого за 100 лет богослужения на борту крейсера. Воспитанникиь Нахимовского военно-морского училища и настоятель корабельного храма протоиерей Александр Ткаченко. 15 апреля 2018 года

«На протяжении столетия “Аврора” воспринималась как “корабль революции”, хотя жизнь этого замечательного крейсера связана в первую очередь с участием в Русско-японской войне, — говорит отец Александр. — Мне, как священнику, стоя перед алтарем на борту этого корабля, приходится вспоминать миллионы жизней, которые прервала революция. Во время евхаристии, поднимая чашу со словами “Твоя о Твоих Тебе приносяще о всех и за вся”, мы находим примирение судеб России в Боге. Мы не встаем на сторону одних или других, белых или красных, но видим, что во Христе каждая из сторон находит прощение. Очень важно осмыслить историю своей страны, чтобы не повторять ошибки предков. А правильное и глубокое ее осмысление может быть только в Боге, только в евхаристической чаше».

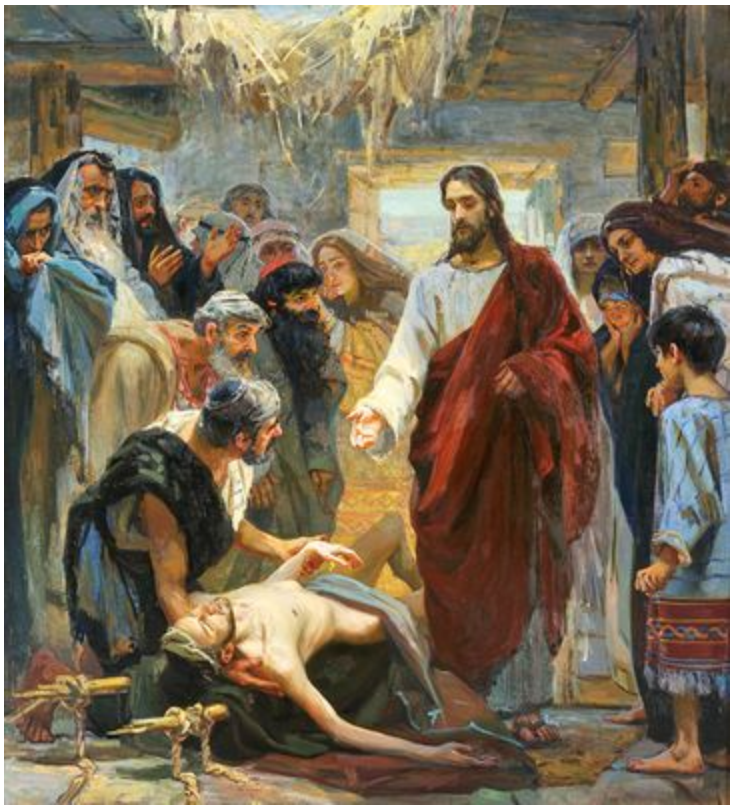
Настоятель корабельного храма в честь святителя Николая Мирликийского протоиерей Александр Ткаченко после первой за 100 лет литургии на крейсере «Аврора». 15 апреля 2018 года

В наше время церковная жизнь на «Авроре» полностью восстановлена. Но по сравнению с 1905 годом есть в ней одно отличие — после

службы иконостас больше не складывают. «Кто-то приходит специально, чтобы посмотреть не на пушку, а на иконостас! Не верят, что он у нас есть»,— говорят экскурсоводы.

Елена Куршук
Фото Глеба Ильинского

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Исцеление расслабленного. Анастасия Ермакова, 2013. Репродукция предоставлена Академией живописи, ваяния и зодчества им. И. Глазунова

Одежды Христа

Как и почему Евангелие описывает облачения Спасителя

Древние говорили: одежда — продолжение человека. Действительно, глядя на одежду, можно многое узнать про ее владельца. Дворники или строители на работе одеваются в специальные костюмы, удобные и прочные. Их так и называют — спецовки. Запачкалась спецовка — ее легко можно постирать. Порвалась — тоже не беда: зашил — и носи дальше. Это ведь рабочая одежда, тут лишний шов красоты не испортит.

А вот сотрудники банков и отелей на работу приходят в аккуратных костюмах и выглаженных белых рубашках с галстуком. Это нужно для того, чтобы посетители их заведения сразу поняли: здесь порядок царит во всем, даже в одежде каждого работника.

Если мы встретим в парке или на набережной бегущего человека в тренировочном костюме и кроссовках, то сразу же понятно: перед нами спортсмен. Ну а про полицейских или военных даже и говорить нечего: люди в форменной одежде сразу же выделяются даже в густой толпе.

В Древнем мире одежда была такой же «говорящей», как и сейчас. По ней без труда можно было отличить нищего бродягу от воина, а богатого заморского купца — от именитого римского патриция. И конечно же, по торжественным облачениям легко можно было узнать царя, даже если его окружали самые знатные и богатые люди царства. Но вот две тысячи лет назад в мир пришел Царь всех царей — воплотившийся Бог Иисус Христос. Что же говорит Евангелие об одежде Творца нашего мира? Наверное, она была столь блистательна, что затмевала своей красотой и богатством самые пышные наряды великих императоров!

Тех, кто так думает, ждет большое разочарование. Евангелие рассказывает, что земная жизнь Иисуса Христа проходила очень скромно. И хотя Его мама происходила из древнего рода знаменитого царя Давида, в их доме не было никакого богатства и роскоши. Пока Иисус был маленьким, семья кормилась трудом Его названного отца —

Иосифа, который работал плотником. Когда Он подрос, то и Сам стал помогать Иосифу в его нелегком плотницком труде. Ну а кто такой плотник по современным меркам? Правильно — обычный строитель. Поэтому и ходил Иисус в самой обыкновенной одежде. В ней не было ни роскоши царского одеяния, ни строгости военной формы, ни красоты заморских одеяний купцов, путешествующих в дальние страны. Иисус Христос одевался точно так же, как и тысячи других обитателей Израиля — простых тружеников, в поте лица добывавших себе пропитание. Наверное, поэтому в Евангелии и нет описаний повседневной одежды Иисуса Христа.

Но зато там есть три места, где одежде Спасителя все же уделено внимание. Все они — о том страшном дне, когда Иисуса схватили и по ложному обвинению решили предать мучительной смерти на кресте. В двух случаях рассказ идет о том, как на Иисуса надели чужую одежду, в третьем — как отняли и делили Его собственную. И каждый раз за простым упоминанием одежды здесь скрывается целая история, трагичная и наполненная глубоким смыслом. Правда, не всякий может увидеть этот смысл сразу, ведь в тексте Евангелия он не раскрыт. Поэтому мы сейчас расскажем об этих событиях более подробно.

Итак, вот три истории про одежды Иисуса Христа.

Белые одежды

Первый случай, когда враги Иисуса надели на Него чужие одежды, произошел во дворце царя Ирода Антипы.

В те времена земля Израиля была захвачена римскими войсками. Управлял ею наместник римского императора Понтий Пилат. К нему на суд и привели Иисуса. Слуги первосвященников стали говорить, будто Иисус объявил себя царем Иудейским и запрещает людям платить дань римскому императору. Это было очень серьезное обвинение. Но Иисус совсем не был похож на бунтовщика или самозванца. Обычно преступники на суде отрицают свою вину или просят о пощаде. Иисус же стоял перед Пилатом и молчал.

Озадаченный Пилат спросил Его: «Ты царь Иудейский?» Ответ Иисуса еще более озадачил Пилата: «Ты говоришь это». То есть «ты сам говоришь, что Я — Царь Иудейский». В этих словах было подлинно царское величие. Однако внешний вид Иисуса был совсем не царственный. Ночью его схватили и привели силой в дом первосвященника. Потом устроили над Ним суд и приговорили к смерти, издевались и били Его по лицу. Но даже после этого Иисус стоял перед римским наместником, сохраняя удивительное достоинство и не умоляя о помиловании. Так ведут себя только настоящие цари.

Пилат подумал и сказал иудеям, приведшим к нему Иисуса: «Я не нахожу в Нем никакой вины». Но те еще больше возмутились и стали кричать, будто Иисус Своими речами возмущал весь народ, начиная от Галилеи. Галилеей называлась область на севере Израиля, где Иисус проживал с родителями до выхода на проповедь. Узнав, что Иисус пришел оттуда, Пилат обрадовался. Дело в том, что в это самое время в Иерусалиме находился царь Ирод Антипа — правитель Галилеи. «Вот пусть он и разбирается со своими подданными», — подумал Пилат. И распорядился отправить Иисуса к Ироду, чтобы тот сам решил, что с Ним делать дальше.

Ирод очень обрадовался, когда к нему привели Иисуса. Он уже давно слышал об этом Учителе и надеялся увидеть от Него какое-нибудь

чудо. Но его надежды не оправдались. Иисус вообще не стал с ним разговаривать. Ни на один из своих многочисленных вопросов Ирод не получил от Него в ответ даже полслова. Хотя первосвященники стояли тут же и изо всех сил обвиняли Иисуса.

Вот здесь и звучит в Евангелии первое упоминание об одеждах Иисуса: Но Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату. И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом (Лк 23:11–12).

О какой «светлой одежде» идет речь, и почему эта одежда на арестованном Иисусе вдруг подружила непримиримых прежде врагов?

Светлые одежды в те времена говорили об их владельце очень многое. Дело в том, что в белые тоги тогда одевались кандидаты на государственные должности в Римской империи. Это был некий символ их чистоты и непричастности к каким-либо нарушениям закона. Само слово «кандидат» означает буквально — облаченный в белое, чистый.

Христос перед первосвященником. Геррит ван Хонтхорст. 1617. На картине видно, что Спаситель облачен поверх хитона в белые одежды

Так для чего же Ирод велел одеть Иисуса в почетное облачение высших римских чиновников?

С одной стороны, это была насмешка и над Христом, и над схватившими Его иудеями: облаченный в белое арестованный Иисус как кандидат на царство в захваченной римлянами стране. С другой — согласие с решением Пилата, признавшего Иисуса невиновным. Ирод увидел в поступке римского наместника знак уважения к себе, ведь тот признал право Ирода самому судить обвиняемых из подвластной тому Галилеи. И оказал ответное уважение — подтвердил решение Пилата по делу Иисуса, нарядив Его в одежды невиновного в преступлениях.

Да, это облачение в светлые одежды было прямой насмешкой над Иисусом. Однако Бог поругаем не бывает. Вот уже два тысячелетия эти светлые одежды продолжают обличать беззаконие смертного приговора, который иудеи вынесли Спасителю на своем судилище. Два свидетеля подтвердили невиновность Иисуса. Один из них — правитель Галилеи царь Ирод, другой — наместник римского императора в Иудее Понтий Пилат.

Пурпурная мантия

Второй раз чужие одежды надели на Иисуса во дворе претории — места, где жил Понтий Пилат.

После возвращения из дворца Ирода Иисусу вернули Его обычную одежду. Это сделали, чтобы Он снова мог выйти в ней на суд к Пилату не в светлой тоге невиновного, а как подсудимый, чья участь еще не решена.

Казнить Иисуса Пилату не хотелось, потому что он видел, что обвиняют Его напрасно. Но иудеи все громче кричали «Распни Его!». И столько ненависти было в их крике, что Пилат понимал — просто так отпустить Иисуса не получится. Иудеи просто забьют Его камнями без всякого суда. Тогда, чтобы утолить ярость иудеев, Пилат решил наказать Иисуса, но — по своему усмотрению. Он сказал:

«Итак, вы привели ко мне этого человека, как смущающего народ. И вот, я при вас исследовал дело и не нашел его вины ни в чем. Ирод также считает Его невиновным, ничего не найдено в Нем, достойного смерти. Итак, наказав, отпущу Его на свободу».

После этих слов Пилат отдал Иисуса на расправу своим солдатам-преторианцам. Те утащили Его во двор, сорвали с Него одежды и стали жестоко избивать бичами — тяжелыми плетками, свитыми из кожи. И уже на избитого, обезображенного бичеванием Иисуса, надели красный плащ римского воина. Зачем они это сделали, и что означало такое переодевание?

Се Человек. Бартоломе Эстебан Мурильо. Середина XVII в.

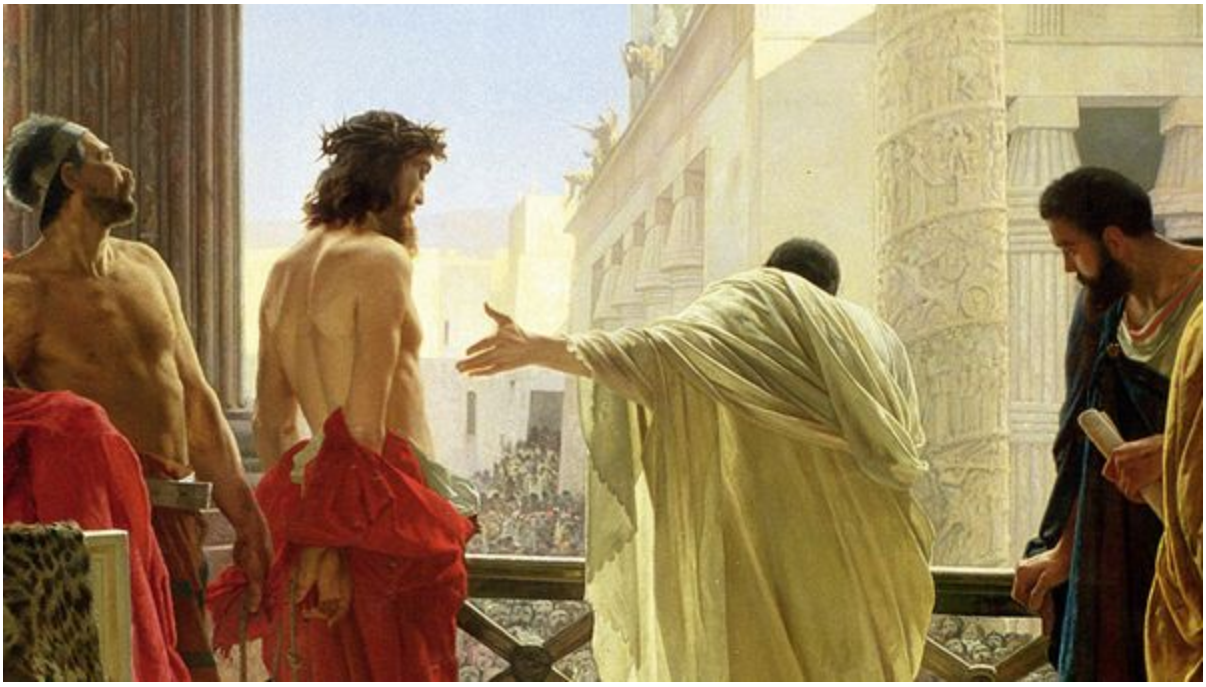
Дело в том, что римский император одевался в специальную одежду. Это была мантия очень красивого темно-красного цвета. Ее делали из тончайшей шерсти или же из шелка. А придавала ей этот цвет специальная краска — пурпур. Стоила она дороже золота, потому что мастера строго хранили тайну ее изготовления.

А делали пурпур из… морских улиток! Первыми научились красить ткани пурпуром жители страны под названием Финикия. В окрестностях древнего финикийского города Сидон при раскопках была найдена огромная груда пустых раковин от пурпуроносных улиток. Рукотворная стена из раковин простиралась на 120 метров в длину, а в высоту достигала 8 метров. Это были отходы мастерской по производству пурпура. Ведь для покраски всего лишь одного килограмма шерсти нужно было добыть целых 30 тысяч улиток! Неудивительно, что носить одежду из пурпурной ткани могли себе позволить лишь самые могущественные и богатые люди древнего мира.

Вот такую «царскую одежду» и сделали воины из обычного красного солдатского плаща, чтобы надеть ее на избитого до полусмерти Иисуса. Это было очередное издевательство и насмешка: если тебя называют царем Иудейским — прими и царское облачение. В придачу к нему воины сделали для Иисуса еще и «императорский венец» из очень колючего растения — тёрна. В руки дали палку из тростника — вместо царского жезла. А потом, издеваясь, вставали перед Ним на колени, кричали «Радуйся, царь Иудейский», давали Ему пощечины, плевали в Него и били палками по голове.

Когда все эти истязания закончились, Пилат опять вышел и сказал иудеям: «Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины».

Тогда вышел Иисус в терновом венце и в пурпурной мантии из солдатского плаща. Даже избитый, оплеванный и униженный шутовским нарядом, Он стоял перед орущей толпой как самый настоящий царь. Это царственное достоинство настолько поразило Пилата, что он обернулся к иудеям и сказал: «вот это Человек!» Но первосвященники и служители громче прежнего кричали: «Распни, распни Его!» Пилату надоел их крик:«Так возьмите Его, и распните сами. Я не нахожу в Нем вины». Иудеи отвечали ему: «По закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим».

Ессе Homo! (Се Человек!). Антонио Чизери. 1871.

Пилат, услышав эти слова, испытал сильный страх. Он был язычником и верил, что у каждого народа есть свои местные божества, с которыми ему нет никакого резона ссориться. Римляне обычно оказывали богам завоеванной территории те же почести, что и богам Рима. Правда, Бог иудеев был совсем не похож на других богов, Его изображение нельзя было поставить в свой домашний пантеон по причине отсутствия такого изображения. Однако враждовать с этим непонятным Богом у Пилата не было никакого желания. И тут вдруг выясняется, что он только что подверг бичеванию Сына Божьего. У римлян так назывались мифические полубоги — дети, рожденные от любви божества и человека, такие как Эней, Геркулес или Эскулап. И хотя измученный, окровавленный Иисус меньше всего походил на такого античного героя, Пилат испугался. Он видел всю высоту человеческого достоинства, с которой Иисус вел себя во время суда. Видел Его невиновность и благородство. Видел несправедливость иудеев, и сам признал Иисуса невиновным.

Нужно было срочно заглаживать свою вину. Но в том и дело, что вовсе не спасение Иисуса было главной целью его попыток отменить

приговор иудеев. Пилат всего лишь хотел отвести от себя божественное наказание — гнев Отца избитого им «полубога». Одним из вариантов тут действительно было освобождение Праведника. Но когда Пилат увидал, что иудеи не намерены идти на какие-либо уступки и требуют только смерти Иисуса, то не стал принуждать их силой. Он решил исполнить ритуал, освобождающий его от вины. А чтобы надежнее угодить оскорбленному, как он представлял себе, местному Божеству, ритуал тоже выбрал из местного религиозного закона. Пилат велел принести воды, умыл руки перед народом, и сказал: «Невиновен я в крови этого Праведника: смотрите сами». И, отвечая, весь народ сказал: «Кровь Его на нас и на детях наших». Тогда воины сняли с Иисуса «пурпурную» мантию, одели Его в обычную Его одежду и повели на распятие.

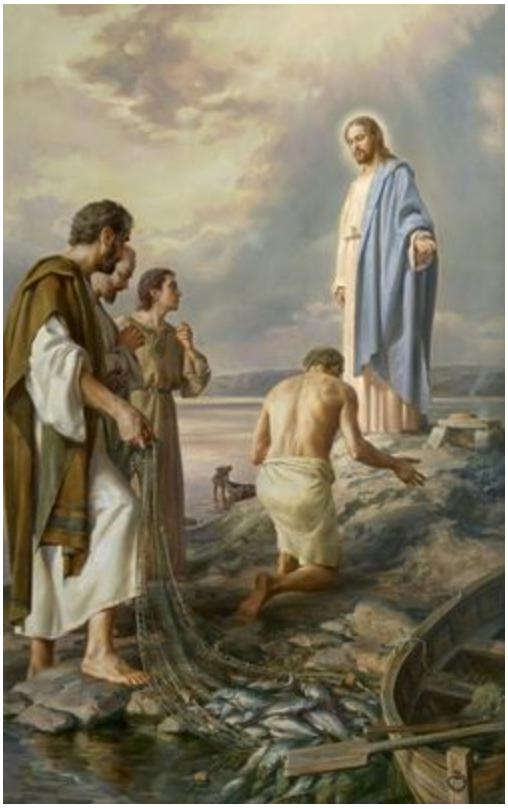
Тога и хитон

В третьем месте, где Евангелие говорит об одежде Иисуса, никаких переодеваний уже не было.

По римским правилам конвойной команде солдат, охранявших порядок при распятии преступников, полагалась в награду одежда казненных. Поэтому они просто раздели Иисуса перед тем, как прибить Его к кресту. И стали решать, кому и что достанется из Его вещей. Самих вещей было всего две. Верхняя одежда, которую римляне называли тога, состояла из одного большого куска ткани овальной формы. Тога накидывалась на плечи и потом определенным образом обматывалась вокруг тела. Вторая вещь называлась хитон — нечто вроде длинного свитера, который спускался ниже колена. Хитон надевался прямо на тело.

Тогу римские воины поделили между собой, просто разорвав ее на четыре куска. А хитон так поделить не получилось, он был весь соткан целиком, без швов. Поэтому воины решили бросить жребий — кому достанется хитон. Возможно, они бросали для этого игральные кости — у кого больше очков выпадет. Или, может быть, просто тянули палочки — кому достанется длинная, а кому короткая. А пока они были заняты этими делами, рядом с ними на кресте мучительной смертью умирал Спаситель мира, воплотившийся Бог Иисус Христос.

***

Явление Спасителя на Геннисаретском озере. Дмитрий Хомяков. 2010. Христос облачен в хитон и тогу

Одежда многое может рассказать о человеке. И по скудным евангельским упоминаниям об одежде Иисуса Христа становится понятно, каким видели Иисуса Христа люди в ту эпоху. Его одежда была совсем простой. Но даже враги своими руками одевали Его в светлые одежды и в пурпурную мантию царя. Да, это было сделано в насмешку над Иисусом. Но благодаря этим одеждам вот уже две тысячи лет люди во всем мире помнят, как Ирод признал Иисуса невиновным и Пилат спрашивал иудеев: «Царя ли вашего распну?» А разорванная воинами верхняя одежда Иисуса и Его хитон до сих пор хранятся в разных христианских храмах как великие святыни. Потому что одежда — продолжение человека, память о нем, свидетельство о том, как он жил на земле. А еще — напоминание о том, что всем нам

еще предстоит увидеть Иисуса Христа во всей Его небесной славе и в ослепительных белых одеждах, сияющих, как свет солнца.
Александр Ткаченко

Подари «Фому»!

Хочешь помочь неимущим получать «Фому»?

Многодетные семьи, одинокие старики, тяжелобольные люди и сельские приходы не всегда могут позволить себе подписку на наш журнал. Мы получаем много писем с просьбами помочь им в этом и всегда тщательно проверяем каждое обращение.

Помогите нам сделать «Фому» доступным для всех.

Пожертвовать на благотворительную подписку можно:

1) с помощью денежного перевода на эти реквизиты:

Получатель: Фонд «Фома Центр»
Расчетный счет: 40703810900000010572
в АКБ «РосЕвробанк» (АО) г. Москва
БИК: 044525856 к/с: 30101810445250000856
Назначение платежа:
«Пожертвование на Благотворительную подписку»

2) на сайте «Фомы» в разделе «Подписка»

найдите пункт «Благотворительная подписка» и нажмите на кнопку «Помочь»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!